

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Сборник статей

*по итогам Всероссийской конференции с международным участием
«Будущее цивилистического процесса» (19-21 октября 2022 года)*

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

УДК 347.9(082)

ББК 67.410.1я43

Б 903

Ответственный редактор – Рехтина Ирина Владимировна,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул)

Рецензент – Васильев Антон Александрович, доктор юридических наук,

профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», директор юридического института АлтГУ (г. Барнаул)

Б 903

Будущее цивилистического процесса : сборник статей по итогам Всероссийской конференции с международным участием «Будущее цивилистического процесса» (19-21 октября 2022 года) / под ред. И.В. Рехтиной ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2023. – 92 с.

ISBN 978-5-7904-2715-2.

Сборник включает статьи авторов-участников Всероссийской конференции с международным участием «Будущее цивилистического процесса», проведенной на базе Юридического института Алтайского государственного университета 19-21 октября 2022 года. Издание предназначено для научных и практических работников, практикующих юристов, преподавателей и студентов, а также всех интересующихся вопросами гражданского, арбитражного, административного судопроизводства.

УДК 347.9(082)

ББК 67.410.1я43

ISBN 978-5-7904-2715-2

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жеронкина А.В.</i> Судейская дискреция в цивилистическом процессе: перспективы законодательного развития	4
<i>Кукарцева А.Н.</i> Цифровизация судебной системы РФ: проблемы формирования понятийного аппарата	8
<i>Кукеев А.К.</i> Процессуальные гарантии защиты прав ответчика в гражданском процессе	13
<i>Лазебная А.В., Пятаев Д.А.</i> К вопросу о принципе правовой определенности в гражданском судопроизводстве	19
<i>Меренков И.В.</i> Роль дополнительных доказательств при возобновлении рассмотрения дела по существу	22
<i>Наземцев Д.М.</i> Обеспечение доказательств нотариусами как инструмент стабильности цивилистического процесса	29
<i>Рехтина И.В.</i> Эволюция системы принципов гражданского процессуального права России	36
<i>Сабанина Н.О., Попов С.А.</i> Процессуальное правопреемство при банкротстве юридического лица	51
<i>Стародубов В.А.</i> Проблематика истребования доказательств судом в гражданском процессе	56
<i>Стародубцева М.А.</i> Особое производство в ГПК РФ и признание информационных материалов экстремистскими	62
<i>Терехова Л.А.</i> Гражданский процессуальный кодекс 2002 года: итог реформы или ее начало?	68
<i>Тимофеев Е.И.</i> Упрощенные режимы в цивилистическом процессе	75
<i>Усцов Д.К.</i> Проблема действия во времени исполнительного производства по исполнительному документу об обеспечительных мерах в гражданском процессе	79
<i>Федин И.Г.</i> Современные тенденции развития принципа добросовестности в процессуальном и материальном праве	85

А.В. Жеронкина,

студентка ЮИ,

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

СУДЕЙСКАЯ ДИСКРЕЦИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу судебной дискреции в цивилистическом процессе как правового явления, проблеме расширения пределов судебной дискреции с каждой последующей судебной инстанцией, рассматривающей дело; рассмотрено возможное дополнение процессуального законодательства положениями, закрепляющими пределы реализации своих дискреционных полномочий судами апелляционной инстанции.

Ключевые слова: судебная дискреция, судебское усмотрение, судебное усмотрение, пересмотр судебных постановлений.

По традиции следует начать с определения центрального термина рассматриваемой темы. Проблема судебного усмотрения являлась предметом рассмотрения множества научных работ, и, тем не менее, она не получила достаточного и полного разрешения, – как в очерчивании пределов судебной дискреции, так и в выведении самой дефиниции процессуалисты не пришли к единому мнению.

К.И. Комиссаров под судебным усмотрением предлагал понимать предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение, возможность которого вытекает из общих и относительно определенных указаний закона, в случаях отсутствия прямого, абсолютно

определенного указания найти такое из ряда предполагаемых законом решений, которое наиболее точно соответствует идее законодателя¹.

А. Барак определял судебное усмотрение как полномочие, которое закон дает судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна².

По нашему представлению, следует обозначить судебское усмотрение как деятельность суда по выбору варианта решения правового вопроса, которая находится в пределах общих начал законодательства и правоприменения.

Необходимо отметить, что в разрезе цивилистики судебское усмотрение приобретает две формы – материально-правовую и процессуальную, изученную в куда меньшей мере, – последняя является предметом рассмотрения в рамках данной статьи.

Предлагается рассмотреть это правовое явление на примере из практики. Администрация одного из новосибирских муниципальных образований обратилась в суд с иском об истребовании имущества из чужого незаконного владения путем выселения, признании утратившим право пользования жилым помещением. Решением суда исковые требования в отношении одного из ответчиков были удовлетворены. Не затрагивая материально-правовых аспектов данного спора, укажем, что, не согласившись с решением суда, гражданин подал апелляционную жалобу и вместе с ней ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока для ее подачи. Определением суда в удовлетворении ходатайства о восстановлении срока было отказано; апелляционным определением данное определение нижестоящего суда оставлено без изменения.

Дело дошло до Верховного Суда Российской Федерации³: согласно его позиции, при рассмотрении настоящего дела судами были допущены такого характера существенные нарушения норм процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможно восстановление нарушенных прав заявителя. В качестве уважительных причин пропуска процессуального

¹ Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 51.

² Барак А. Судебское усмотрение / пер. с англ. М., 1999. С. 13.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.12.2018 № 67-КГ18-22.

срока на подачу апелляционной жалобы гражданин ссылался на то, что является инвалидом 2 группы и в течение 10 месяцев находился на стационарном лечении – по времени это совпадало с рассмотрением дела в первой инстанции и сроком для обращения с апелляционной жалобой. Отказывая в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что заявителем не представлено доказательств наличия уважительных причин пропуска данного срока. Важно обозначить, что суд сослался на то, что копию изначального решения гражданин получил лично, что свидетельствовало, согласно мнению суда, о его возможности покинуть пределы лечебного учреждения.

Верховный суд со ссылкой на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» указал, что для лиц, участвующих в деле, к уважительным причинам пропуска данного срока относится получение лицом, не присутствовавшим на судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела, копии решения суда по истечении срока обжалования. Таким образом, ВС РФ, в противовес решениям нижестоящих судов, счел приведенные причины уважительными.

При анализе ситуации в преломлении судебного усмотрения становится очевидным, что одно усмотрение «перевесило» другое. Определение уважительности тех или иных причин пропуска процессуального срока лежит исключительно в плоскости дискреционных полномочий судьи. Можно подумать, что причиной, по которой суд первой инстанции не воспринял указанные причины как уважительные, заключается в том, что он исходил из чистейшего формализма. Тем не менее возможен и взгляд с другой стороны – почему в этом случае одно усмотрение оказалось по значимости более весомым, нежели чем другое усмотрение?

Отталкиваясь от этого, мы можем заключить, что на данный момент система инстанционности гражданского процесса предполагает, что у каждого

вышестоящего суда дискреционные полномочия выше, чем у предыдущего. Не посягая на значимость института обжалования, мы задаемся вопросом: не противоречат ли указанные обстоятельства самой идее судебного усмотрения, как и идее оценки доказательств судьей сообразно своему внутреннему убеждению?

Полагаем, что такое явление, во-первых, не только идет вразрез с идеей процессуальной дискреции как таковой, но и наносит вред эффективности правосудия. Стремление к эффективности правосудия должно находить себя не только в правоприменении, но и в законотворчестве. Расширение пределов судебской дискреции в законодательстве видится благоприятным ввиду динамики развития общественных отношений, а право, как известно, должно особенно чутко реагировать на изменяющуюся окружающую обстановку, которую можно оценить, в том числе, по тенденциям, которые мы можем видеть в складывающейся правоприменительной практике.

Представляется, что разумным будет положить начало расширению границ судебской дискреции и утверждению ее значимости с дополнения статьи 330 Гражданского процессуального кодекса, посвященной основаниям для отмены или изменения решения суда, нормой, устанавливающей, что факты осуществления судьей первой инстанции своих дискреционных полномочий не подлежат пересмотру судом апелляционной инстанции.

Таким образом, это нововведение позволит отказаться от губительной системы роста пределов дискреции с каждой последующей инстанцией и, в конечном итоге, позволит судьям применять усмотрение без оглядки на вышестоящий суд с целью принятия решения лишь исходя из заинтересованности в том, что оно не будет подлежать отмене.

А.Н. Кукарцева,

ассистент, аспирант кафедры гражданского процесса
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РФ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов формирования понятийного аппарата в сфере правового регулирования в цивилистическом процессе, необходимости такого понятийного аппарата, его значения и роли в дальнейшем развитии судебной системы Российской Федерации в условиях развития цифровых технологий и их внедрения в работу судов.

Ключевые слова: цифровизация, информатизация, электронное правосудие, понятийный аппарат, судебная система, информационное право.

Судебная система находится на передовой изменений и достижений науки, формируя направление ее развития. В то же время для планомерного совершенствования и развития науки нужно создание или переработка понятийного аппарата и способов нормативно-правового регулирования⁴.

На сегодняшний день в юридической науке, и в цивилистическом процессе в частности, отсутствует единство в определении процессов и явлений, связанных с использованием информационных технологий в деятельности судов. Собственно, само по себе название таких технологий окончательно не определено: на практике встречаются словосочетания «информационные технологии», «электронные технологии», «цифровые технологии».

⁴ Даниелян Д.Р. Проблемы специализации судебной деятельности в условиях информационной трансформации судебной системы // Мировой судья. 2022. № 6. С. 2-7.

Формирование инструментов правового регулирования деятельности в сферах, связанных с цифровой средой, ее использованием при взаимодействии с публичными органами, с органами судебной системы Российской Федерации сегодня существенно отстает от развития самой этой среды. И поэтому вынуждено приспособливаться под постоянно меняющиеся обстоятельства. Поэтому так же, как и в науке, в правоприменительной практике пока еще не сформирован согласованный механизма интерпретации понятийного аппарата, связанного с использованием цифровых технологий⁵. Это влечет отсутствие единого понимания тех или иных терминов, когда отношения попадают в поле применения цифровых технологий.

В законодательстве нашей страны нет даже четкого разграничения указанных понятий, нередко они используются как тождественные. Хотя в юридической науке есть отличные точки зрения. Например, мнение, что цифровизация – это следующий шаг в развитии технологий, которому предшествует информатизация и информационные технологии⁶.

Выделение правоотношений в самостоятельную сферу правового регулирования, как следствие оформление процесса такого регулирования в рамках института, отрасли права предполагает наличие системы понятий, опосредующих такое регулирование внутри этой сферы отношений и во взаимодействии с другими сферами правового регулирования. Понятия, из которых формируется эта система, сами по себе не являются статическими и окончательно определенными. Они, являясь частью объективной действительности находятся под влиянием множества факторов, поэтому непрерывно развиваются в поле своего правового применения и не являются окончательно определенными.

Именно поэтому формирование понятийного аппарата отдельной сферы действия норм предполагает не только разработку глоссария терминов, но и последующее его ведение (актуализацию).

⁵ Калужный Ю.Н. Цифровые технологии как новые возможности обеспечения безопасности дорожного движения // Административное право и процесс. 2021. № 11. С. 52-54.

⁶ Липень С.В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ – индикаторы процессов информатизации и цифровизации системы законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 22-33.

Так, например, в цивилистическом процессе «эволюционировало» понятие, определяющие удаленное участие в процессе от «онлайн-заседания»⁷ к «веб-конференции»⁸.

Разработка единого тезауруса необходима в том числе для обеспечения практической работы с технологиями цифровой среды, которые все больше опосредуют отправление правосудия в России, поскольку без четкого определения таких технологий как инструментов правовая регламентация использования соответствующей технологии в судебном процессе становится неэффективной и не обеспечивает единообразное применение. Понятийный аппарат является отправной точкой в любой деятельности, а свое особое значение он принимает, когда используется для создания и применения законов и иных нормативных правовых актов⁹.

Реализация национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹⁰ (далее – национальная программа) требует корректировки законодательства, модернизации отдельных сфер государственного управления, а также судебной системы, как следствие – совершенствования понятийного аппарата в данной сфере для ускорения внедрения технологий в экономике и социальной сфере¹¹. Поскольку именно создание соответствующего механизма процессуально-правового регулирования обеспечивает эффективность доступа к правосудию с использованием цифровых технологий¹².

На сегодняшний день процессуальное законодательство в цивилистическом процессе не имеет единого словаря терминов, которые используются им

⁷ <Информация> Суда по интеллектуальным правам «О проведении судебных онлайн-заседаний в Суде по интеллектуальным правам» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Бачило И.Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 3 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynyy-apparat-informatsionnogo-prava-i-sistema-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 18.11.2022).

¹⁰ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. М.: ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.

¹² Капустин О.А. Организационно-правовые формы судопроизводства с применением технологий удаленного доступа // Российский судья. 2021. № 1. С. 3-8.

для регламентации использования цифровых технологий. Само по себе понятие «электронное правосудие» не только является до конца не определенным, но так до конца и не понятым многими исследователями и учеными. Кодексы не содержат определения понятий «онлайн-заседание», «веб-конференция», «видеоконференцсвязь». Относительно не определено понятие «электронный вид» применительно к таким действиям как подача искового заявления, документов в суд в электронном виде, доступ к материалам дела в электронном виде, судебное извещение в электронном виде, судебный акт в электронном виде, информация в электронном виде, необходимая для участия в судебном заседании с использованием системы веб-конференции.

Все указанные термины и понятия ясны и практикующим юристам, и научным работникам. Но в том же время в законе отсутствует единообразное определение таких понятий в цивилистическом процессе. И основную роль в их определении играют акты, принятые органами судейского сообщества¹³, а также отраслевое законодательство¹⁴.

Вместе с тем введение в процессуальное законодательство терминов, определяющих использование цифровых технологий как при отправлении правосудия и для совершения процессуальных действий, так и для обеспечения судопроизводства в целом влияет на само это законодательство и «ориентирует на межотраслевое познание процессуальной формы, обуславливает

¹³ Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации, утвержденная Приказом Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2015 г. № 67-П; Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года, утвержденная Постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 785; Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.); Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362 (ред. от 28.08.2019) «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента»; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 17 февраля 2017 г. № 25 «Об утверждении Инструкции по производству в Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации»; Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 сентября 2017 г. № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 10, октябрь. «// СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

унификацию процессуальных понятий, терминов, институтов»¹⁵. Цифровизация видоизменяет понятийный аппарат судебного процесса, который вследствие этого влияния требует адекватной терминологической интерпретации.

Все это позволяет говорить о необходимости разработки юридической концепции внедрения цифровых технологий в деятельность судов, где бы ни были определены все базовые понятия, связанные с применением цифровых технологий в судах. А впоследствии эти понятия могут лечь в основу принятия единого нормативного акта, регулирующего способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде. И послужить основой формирования подходов к формированию общей сферы цифрового взаимодействия в странах Евразийского экономического союза, а также с Судом Евразийского экономического союза, с Экономическим Судом СНГ.

Стоит согласиться с мнением, что цифровизация — это определенный вызов¹⁶ и для законодателя, и для правоприменителя, и для ученых-правоведов, поскольку соотношение современных информационно-технических технологий с правовой системой должно иметь единую правовую регламентацию работы с ней.

Отсутствие единого подхода к определению понятий повлечет разрозненное правовое регулирование. Сложность и уникальность вещей и явлений, связанных с цифровизацией судов, требуют создания единства правового определения их основных понятий, а также правовых условий использования.

¹⁵ Капустин О.А. Организационно-правовые формы судопроизводства с применением технологий удаленного доступа // Российский судья. 2021. № 1. С. 3-8.

¹⁶ Егорова М.А. Особенности определения правосубъектности искусственного интеллекта в контексте преподавания дисциплин в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровизации // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 73 - 76.

А.К. Кукеев,

старший преподаватель кафедры

государственно-правовых дисциплин

НАО «Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова»

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОТВЕТЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Данная статья посвящена механизмам защиты прав и интересов ответчика в гражданском процессе, что дает возможность определить недостатки законодательной регламентации принадлежащих ему средств защиты. Процессуальные гарантии защиты прав и интересов ответчика наделены такими чертами: они должны быть установлены в гражданском процессуальном законодательстве как средства, обеспечивающие эффективное производство по каждому делу; в таких нормах должны быть прописаны виды процессуальных действий, допустимых для достижения благоприятных целей, на которые нацелены соответствующие процессуальные гарантии.

Ключевые слова: ответчик, судебное разбирательство, гражданский процесс, средства защиты ответчика как встречный иск, опровержения, возражения, мировое соглашение, привлечение третьего лица без самостоятельных требований, отзыв на иск, встречное обеспечение, признание иска.

Процессуальные гарантии защиты прав и интересов ответчика в гражданском процессе целесообразно определить как юридические возможности, закрепленные в нормах гражданского процессуального законодательства, включающие в себя правовые средства реализации его процессуальных прав, а также ответные действия суда, обеспечивающие реализацию процессуальной формы. Установление и применение таких гарантий защиты способствует достижению основных целей гражданского судопроизводства – своевременному и правиль-

ному рассмотрению и решению дела, являющегося общей целью применения процессуальных гарантий, однако, кроме того, они нацелены на защиту гражданских процессуальных прав ответчика и гарантирование его равенства с истцом. В сфере деяния процессуальных гарантий социально-экономической целью выступает содействие в реализации процессуальных прав ответчика: обеспечение их надлежащей реализации либо восстановление процессуального статуса ответчика в итоге совершения процессуального правонарушения.

Процессуальные гарантии защиты прав и интересов ответчика наделены следующими чертами: они должны быть установлены в гражданском процессуальном законодательстве как средства, обеспечивающие эффективное производство по каждому делу; в таких нормах должны быть прописаны виды процессуальных действий, допустимых для достижения благоприятных целей, на которые ориентированы соответствующие процессуальные гарантии¹⁷.

Процессуальные гарантии защиты прав и интересов ответчика имеют двусложное содержание: нормативную базу и процессуальные деяния по реализации правовых предписаний. В свою очередь, нормативная база исследуемых гарантий состоит из нормативно-правовых средств, установленных гражданским процессуальным законодательством. Действия адресатов процессуальных норм по реализации правовых средств, установленных процессуальным законодательством, должны быть включены в процессуальные гарантии, поскольку без активных действий таких субъектов процессуального правоотношения невозможно достижение итоговой цели действия процессуальных гарантий – целей и задач гражданского судопроизводства. Подавляющее большинство процессуальных гарантий защиты прав и интересов ответчика зависят от процессуальной активности суда. Именно эти составляющие системообразующие, поскольку закреплённость прав и свобод в ГПК РК¹⁸ требует их соблюдения всеми участниками гражданского процесса. Наличие в гражданском процессуаль-

¹⁷ Камбарова Н.Ш. Гражданское процессуальное право Республики Казахстан: учебное пособие. Алматы: Nurpress, 2014. С. 20-22.

¹⁸ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗПК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (дата обращения: 20.09.2022).

ном законодательстве положений, устанавливающих права ответчика, является гарантией их соблюдения другими участниками¹⁹.

Исследование отдельных процессуальных гарантий защиты прав и интересов ответчика дало основание заключить, что несмотря на равенство истца и ответчика в гражданском процессе, указанные стороны не могут иметь одинаковые средства защиты, поскольку их интересы в процессе носят противоположный (часто диаметрально противоположный) характер, различается момент их фактического вступления в процесс, роль в деле (нападение/защита) и т.д. Поэтому можно говорить только об одинаковых по значению средствах защиты и одинаковых возможностях использования различных средств защиты сторон. Относительно полное совпадение прав сторон относится к их так называемым «общим» правам, что же касается прав сторон, связанных с распоряжением материальной стороной спора, то следует говорить не о равноправии сторон, а о соотношении их прав. Гражданским процессуальным законодательством также предусмотрены гарантии защиты прав и интересов ответчика при злоупотреблении истцом своими правами, в частности, по безосновательности исковых требований и предъявлению истцом одинаковых требований к одному ответчику. В ГПК РК отсутствуют такие оценочные категории как очевидность безосновательности, спор о праве, достаточность доказательств, необоснованность иска. Эти понятия могли бы детализировать понимание необоснованности исков, в том числе в свете механизма процессуальных гарантий защиты прав ответчика от иска, поскольку кроме отзыва на иск и встреченного иска ГПК РК для ответчика больше не содержит действенных средств защиты от необоснованных исков, кроме компенсаторных механизмов возмещение причиненного такими исками вреда. Несмотря на то, что ГПК РК установлено право суда на возврат искового заявления, имеющего признаки повторности, на сегодняшний день нерешенными являются вопросы, связанные с разведением во времени принятия судебных решений по таким искам, когда в отношении одного из та-

¹⁹ Маами К. (ред.) Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Казахстан. Астана: Библиотека Верховного Суда Республики Казахстан, 2016. С. 202.

ких исков на время решения вопроса об открытии производства по делу другим судом не вынесено определение об открытии или отказе в открытии производства по делу, возврат искового заявления или оставления иска без рассмотрения. Сегодня судьи не имеют достаточных ресурсов для проверки не только факта наличия нескольких исков к одному ответчику (ответчиков), но и ознакомления с содержанием этих исков для установления их идентичности, поскольку они не имеют доступа непосредственно к тексту искового заявления в другом деле. Такая ситуация может изменяться с введением полноценной работы Единой судебной информационно-телекоммуникационной системы. Поэтому необходима законодательная регламентация права суда возложить на истца (истцов) судебные расходы ответчика (ответчиков) полностью или частично в случае оставления заявления истца (истцов) без рассмотрения в связи с рассмотрением нескольких исков к одному и тому же ответчику (ответчиков) с тем же предметом и по тем же основаниям.

По нашему мнению, классификации процессуальных гарантий в гражданском процессе носят достаточно условный характер в связи с тем, что их реализация во многом зависит от самого суда, поскольку процессуальные гарантии непосредственно действиями их адресатов не реализуются. Однако определение набора представленных законодательством ответчику гарантий защиты его прав и интересов будет способствовать более комплексному пониманию содержания его прав, а также дальнейшему научному осмыслению такой категории как гарантии защиты прав и интересов ответчика. В связи с чем мы предлагаем в зависимости от содержания процессуальных действий истца по обращению с исковыми требованиями и последствиями следующих действий: 1) предварительные – процессуальные гарантии, работающие на этапе инициирования процесса истцом (например, встречное обеспечение, возложение бремени судебных издержек на инициатора судопроизводства, проверка отсутствия тождественных исков); 2) подготовительные (например, процессуальные гарантии относительно сроков и порядка подачи отзыва на иск, подачи встречного иска, доказательств и привлечения третьего лица и т.п.); 3) определяющие (процессу-

альные гарантии влияния на результат исследования обстоятельств дела судом путем обращения в суд с ходатайствами и заявления на протяжении всего судебного разбирательства и т.п.). Частью из указанных процессуальных гарантий наделяется также и истец (по заключению мирового соглашения, обжалованию процессуальных действий суда и т.п.), однако в большинстве случаев они имеют свои особенности применения и правовых последствий прав и обязанностей каждого из указанных участников.

Защита прав и интересов ответчика в гражданском процессе целесообразно рассматривать, в том числе, через призму целенаправленной деятельности ответчика в условиях возникающего и развивающегося правового конфликта в рамках искового производства. Реализация права ответчика в защиту имеет свою специфику, обусловленную процессуальной ролью лица, к которому предъявлено материально-правовое требование, которое должно быть решено юрисдикционными органами в пределах гражданского дела. Для успешной защиты ответчика важны также те действия, которые он совершил или должен совершить до момента обращения истца с иском. Такие действия будут носить превентивный характер и направляться на обеспечение юридической безопасности субъекта гражданского оборота (потенциального ответчика): должное с правовой точки зрения оформление правоотношений; ответственное выполнение своих обязательств, возникающих из гражданских правоотношений; сохранение и формирование комплекса доказательных фактов, которые сможет использовать ответчик в случае предъявления к нему исковых требований; решение вопроса об обеспечении внесудебных механизмов разрешения споров. Несмотря на то, что такие действия не могут быть в полной мере признаны составной частью механизмов защиты прав и интересов ответчика в гражданском процессе, поскольку они реализуются до момента обращения истца в суд, однако они могут минимизировать размер и объем исковых требований, повлиять на сбор и качество доказательств, представленных ответчиком при рассмотрении дела в суде, а следовательно, могут быть отнесены к предпосылкам такой защиты. Право ответчика на защиту в гражданском процессе имеет особенности по

сравнению с правом истца на такую защиту, которые при этом не изменяют природу такого права как элемента единого права на судебную защиту. Основное отличие состоит, прежде всего, в том, что ответчик может реализовать свое право на защиту только в условиях процесса, возникшего по инициативе истца. То есть соответствующее право ответчика является определенным следствием реализации истцом права на судебную защиту, однако такое право не имеет признаков вторичности и наделено арсеналом специфических средств реализации по сравнению с аналогичным правом истца. Соответственно, целью защиты прав и интересов ответчика может быть полный или частичный отказ в удовлетворении требований истца, уменьшение размера таких исковых требований, замена себя другим ответчиком или же привлечение соответчика.

Средствами защиты прав и законных интересов ответчика в гражданском процессе автором определены предоставленные гражданским процессуальным законодательством правовые инструменты, которые он может использовать для отказа в удовлетворении исковых требований в полном объеме или в части и/или выбытия ответчика из процесса путем его замены другим ответчиком.

Выводы: важность исследования видовых характеристик средств защиты ответчика в гражданском процессе состоит не только в научной плоскости, поэтому следует говорить не только об их перечне или систематизации, а понимание через призму видовых признаков, возможности и целесообразности применения тех или иных других средств вместе или изолированно. Можно классифицировать средства защиты прав и интересов ответчика в гражданском процессе в зависимости от субъектно-предметного содержания: 1) коммуниторные: а) опровержение; б) мировое соглашение; в) привлечение третьего лица.

2) характерологические: а) отрицательно-защитные; б) встречный; в) обеспечительно-защитные (обжалование обеспечения иска; встречное обеспечение; возмещение ущерба ответчика через обеспечение; защитный документ).

А.В. Лазебная, Д.А. Пятаев,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»

Научный руководитель – к.ю.н., доцент кафедры
гражданского процесса *Н.А. Батурина*

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается сущность и значение принципа правовой определенности, а также актуальные проблемы его реализации в Российской Федерации.

Ключевые слова: принцип правовой определенности, общеправовой принцип, процессуальное законодательство, решение суда.

Для российской правовой системы принцип правовой определенности является достаточно новым. Он был внедрен в систему отечественного судопроизводства около 20 лет назад, после вступления Российской Федерации в Совет Европы. В настоящее время рассматриваемый принцип все чаще становится предметом научных дискуссий. Ю.А. Свириин полагает, что «на принцип правовой определенности в гражданском процессе долгие годы не обращали внимание только потому, что судебный прецедент не признавался источником права»²⁰. Действительно, на территории РФ судебный прецедент и сегодня официально не является источником права, однако решения вышестоящих судов нередко принимают во внимание нижестоящие суды при разрешении споров по гражданским делам.

²⁰ См.: Свириин Ю.А. Принцип правовой определенности в гражданском процессе // Современное право. 2013. №11. С. 97.

В Гражданском процессуальном кодексе РФ отсутствует текстуальное упоминание о принципе правовой определенности, однако его содержание подразумевается исходя из смысла ряда процессуальных норм. Особое внимание следует обратить на то, что в научных трудах авторы имеют некоторые расхождения во взглядах на определение принципа правовой определенности. Вместе с тем большинство ученых едины во мнении, что суть принципа правовой определенности заключается в том, что пересмотр вступившего в законную силу решения суда осуществляется с целью исправления судебной ошибки, а не пересмотра судебных актов по существу. Принцип правовой определенности подразумевает, что принятое судебное решение должно отвечать таким качествам, как ясность, устойчивость и стабильность, и подлежать пересмотру только в исключительных случаях²¹. Оно не должно нарушать единообразие, которое формируется в постановлениях высших судебных инстанций. Рассматриваемый принцип является фундаментальным, носит общеправовой характер, распространяется на всю систему правового регулирования и является необходимым условием справедливого судебного разбирательства.

Данный принцип существует не только в российском, но и в международном праве. Чаще всего с позиции принципа правовой определенности оценивается эффективность судебной системы страны. Существенное значение в формировании идеи правовой определенности имеет деятельность Европейского Суда по правам человека.

Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд РФ проявляют особое внимание к положениям, регламентирующим принцип правовой определенности. Конституционный Суд РФ полагает, что условия пересмотра ошибочных судебных актов должны исключать возможность затягивания процесса рассмотрения дела, необоснованного возобновления судебного разбирательства. Все это позволит обеспечить законность и справедливость судебного

²¹ См.: Фоменко Е.Г., Скороход В.А. Принцип правовой определенности: история развития, понятие и значение для гражданского процесса // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2018. №2 (5). С. 113.

решения, а значит поспособствует признанию законной силы и неопровержимости судебных решений²².

В практике Конституционного Суда РФ отмечено, что в силу принципа правовой определенности участники гражданских правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей²³.

Е.Г. Фоменко и В.А. Скороход полагают, что принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников процесса возможностью точно предсказать результат своих действий, в том числе иметь перспективу, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия суда также будут прогнозируемы²⁴. Так, в постановлении по делу «Арефьев против Российской Федерации» отмечается, что «все законодательство должно быть определенным, чтобы позволить лицу – при необходимости с соответствующей консультацией – предвидеть в разумной при конкретных обстоятельствах степени последствия, которые определенное действие может повлечь»²⁵.

Таким образом, принцип правовой определенности является одним из центральных аспектов верховенства права. Именно поэтому закрепление рассматриваемого принципа в Гражданском процессуальном кодексе РФ, как регулятора общественных отношений, будет способствовать единому правопониманию и правоприменению, что позволит избежать необоснованных пересмотров судебных актов, вступивших в законную силу.

²² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280971/

²³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/

²⁴ См.: Фоменко Е.Г., Скороход В.А. Принцип правовой определенности: история развития, понятие и значение для гражданского процесса // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2018. №2 (5). С. 116.

²⁵ См.: Постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 «Дело Арефьева (Arefyev) против Российской Федерации» (жалоба №29464/03) // Российская Хроника Европейского Суда. 2011. № 4.

И.В. Меренков,

преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»

РОЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ВОЗОБНОВЛЕНИИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам возобновления рассмотрения дела по существу в случае, если суд во время или после судебных прений, том числе в совещательной комнате при принятии судебного решения, признает необходимым выяснить новые обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, или исследовать новые доказательства; при этом суд столкнется с законодательным запретом для лиц, участвующих в деле, ссылаться на обстоятельства, которые не выяснились и на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании.

Ключевые слова: дополнительные доказательства, прения сторон, возобновление рассмотрения дела по существу, самоконтроль суда, дополнение материалов дела, дополнительные объяснения.

Дополнительными являются доказательства, представленные заинтересованными лицами или истребованные судом после принятия поданного в суд заявления, с помощью которых достигается необходимая для рассмотрения и разрешения дела достаточность доказательственного материала. Гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство не содержат запрета на их предоставление на любом этапе доказательственной деятельности, оговаривая лишь определенные ограничения для некоторых из них.

Необходимость установления новых обстоятельств и предоставление дополнительных доказательств лежат в основе и следующих процессуальных ситуаций.

Исследование судебных доказательств как этапа доказательственной деятельности завершается в судебном заседании выполнением требований ст. 189 ГПК РФ, в соответствии с которыми суд выясняет у лиц, участвующих в деле, их представителей, не желают ли они выступить с дополнительными объяснениями. Отметим, что арбитражное процессуальное законодательство в ч. 1 ст. 164 АПК по этому поводу содержит несколько иную формулировку: «Не желают ли они чем-либо дополнить материалы дела» (то есть возможны не только дополнительные объяснения).

При отсутствии таких заявлений председательствующий в судебном заседании объявляет исследование доказательств законченным и суд переходит к судебным прениям. Выяснение судом в этот момент вопроса о возможных дополнительных материалах для рассмотрения и разрешения дела имеет серьезные процессуальные последствия. Участники судебных прений в дальнейшем не вправе ссылаться на обстоятельства, которые не выяснялись, и на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании (ч. 1 ст. 191 ГПК, ч. 4 ст. 164 АПК).

Однако в случае если суд во время или после судебных прений признает необходимым выяснить новые обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, или исследовать новые доказательства, он выносит определение о возобновлении рассмотрения дела по существу (ч. 2 ст. 191 ГПК, ч. 1 ст. 165 АПК).

Возобновление рассмотрения дела по существу называют проявлением так называемого «самоконтроля». Контролируя собственные действия, судья к моменту вынесения решения имеет возможность устранить недостатки собственной деятельности или недостатки деятельности других участников (например, повторно допросить свидетеля или устранить другие недостатки, допущенные в ходе представления или исследования доказательств). Повтор действий

по представлению и исследованию доказательств также относят к институту самоконтроля²⁶.

В юридической литературе вынесение определения о возобновлении рассмотрения дела по существу связывают в основном с ситуацией, «когда во время судебных прений или реплик выявляется необходимость в исследовании новых доказательств или проверке новых обстоятельств, имеющих значение для дела»²⁷.

А.Г. Плешанов отмечает, что в качестве условия совершения данного действия закон закрепляет лишь признание²⁸ судом необходимости возобновления рассмотрения дела по существу. Складывается впечатление, что он не связывает это решение возобновить рассмотрение дела по существу со сказанным заинтересованными лицами во время выступления в судебных прениях, очевидно, в связи с тем, что ничего нового относительно процесса доказывания на этом этапе сказать они не имеют права. Отметим, что А.Г. Плешанов, вместе с тем, подчеркивает, что возобновление рассмотрения дела по существу возможно как по ходатайству участвующих в деле лиц (ст. 35 ГПК РФ), их представителей, так и по инициативе суда.

Представляется, что решение суда возобновить рассмотрение дела по существу в соответствии с ч. 2 ст. 191 ГПК и ч. 1 ст. 165 АПК связывается все-таки именно со сказанным в выступлениях заинтересованных лиц и, не исключено, с их претензиями к процессу доказывания (например, связанных с необходимостью исследования новых обстоятельств и обосновывающих их доказательств). Интересно обратиться по этой проблеме к Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.06.2016 г. № 5-КГ 16-71. По обстоятельствам рассмотренного ею дела гр. Ситникова обратилась в Жилищно-эксплуатационное управление г. Москвы и Министерству

²⁶ См.: Зайцев И.М. Самоконтроль суда первой инстанции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1998. № 2. С. 18-19; Терехова Л.А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве. М., 2021. С. 7.

²⁷ Гражданский процессуальный кодекс РФ. Постатейный комментарий / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2003. С. 322 (автор главы – О.А. Рузакова).

²⁸ Комментарий к Гражданскому Процессуальному Кодексу РФ. 2-е изд. / под ред. В.И. Радченко. М., 2006. С. 457 (автор главы – А.Г. Плешанов).

обороны РФ с иском о признании права собственности на жилое помещение в порядке приватизации. В обоснование иска она указала, что данная квартира указанным выше управлением была предоставлена ее супругу по договору социального найма 23.11.2011 г. как работнику гражданского персонала учреждения, состоявшему на учете нуждающихся в жилых помещениях; однако данное управление 01.11.2012 г. отказало в приватизации жилого помещения в связи с отсутствием государственной регистрации данного учреждения. Решением суда первой инстанции от 05.02.2013 г. за Ситниковой было признано право собственности на жилое помещение в порядке приватизации.

Военный прокурор 231-й военной прокуратуры в интересах РФ обратился в суд с иском к супругам Ситниковым о признании недействительным решения о предоставлении Ситникову спорного жилого помещения, договора социального найма жилого помещения от 23.11.2011 г., свидетельства о государственной регистрации права собственности на жилое помещение, а также выселении ответчиков из занимаемой квартиры. В обоснование иска военный прокурор указал, что договор социального найма заключен с Ситниковым в нарушение действующего законодательства, поскольку он не относился к числу лиц, проходящих военную службу, в связи с чем не мог быть поставлен на учет как нуждающийся в получении жилого помещения. Решением суда первой инстанции от 17.04.2015 г. иск военного прокурора был удовлетворен, Ситниковым было отказано в праве собственности на квартиру, был проведен поворот исполнения решения от 05.02.2013 г. и Ситниковы были из квартиры выселены. Апелляционная инстанция своим определением от 16.07.2015 г. решение оставила без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассматривавшая дело в кассационном порядке, нашла, что по делу допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права. Из материалов дела следует, что, возражая против иска прокурора, представитель Ситниковых просил отказать в удовлетворении иска в связи с пропуском исковой давности (ч. 1 ст. 196 ГК РФ). Данное ходатайство представителя было заявле-

но в судебных прениях до вынесения судебного решения и отражено в протоколе судебного заседания суда первой инстанции 17.04.2015. Судебная коллегия ВС РФ указала: «Поскольку заявленное в ходе судебных прений ходатайство о применении срока исковой давности не было предметом исследования суда в ходе рассмотрения дела, суду в соответствии с требованиями ст. 191 ГПК РФ в целях проверки новых обстоятельств, имеющих значение для дела, необходимо было возобновить рассмотрение дела по существу. Суд первой инстанции заявление о пропуске срока исковой давности не рассмотрел, обстоятельства относительно срока исковой давности, имеющие существенное значение для рассмотрения дела не установил и принял решение об удовлетворении исковых требований прокурора»²⁹.

Данное определение Верховного Суда РФ приводит к следующим размышлениям. Представитель ответчика, выступавший в прениях, был не вправе в соответствии с ч. 1 ст. 191 ГПК ссылаться на обстоятельства, которые судом в ходе судебного разбирательства не выяснялись, но он сделал это. Невольно возникает вопрос: с какой целью введен данный запрет и, главное, каковы последствия для участников судебных прений этот запрет нарушивших. Из содержания приведенной нормы ответ на него найти невозможно.

По анализируемому делу суд первой инстанции, проигнорировавший заявление представителя ответчика об истечении срока исковой давности и действовавший (отметим это) в рамках требований ч. 1 ст. 191 ГПК, тем самым поставил свое решение под удар, поскольку оно было отменено вышестоящими инстанциями.

Характерно, что в Определении ВС РФ не содержится какого-либо упрека в незаконности по отношению к заявлению представителя ответчика во время судебных прений, но, напротив, упрек предъявляется суду, для которого, по мнению ВС, оно должно было стать предметом исследования и основанием для возобновления рассмотрения дела.

²⁹ Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.06.2016 г. № 5-КГ 16-7 // СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что в ст. 191 ГПК, а также в ч. 4 ст. 164 и ч. 1 ст. 165 АПК присутствует внутренняя противоречивость. С одной стороны, подчеркивается, что лица, участвующие в деле, их представители в своих выступлениях после окончания рассмотрения дела по существу не вправе ссылаться на обстоятельства, которые судом не выяснились, а также на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании. Но возможность возобновления рассмотрения дела по существу связана именно с тем, что суд признает необходимым выяснить новые обстоятельства, имеющие значение для дела или исследовать новые доказательства (ч. 2 ст. 191 ГПК). Если имеется такая возможность возобновления рассмотрения дела и устранения допущенных недочетов, было бы логичнее отказаться от указанного запрета, содержащегося в ч. 1 этой статьи, тем более что с уверенностью можно предположить подачу апелляционной жалобы на вынесенное решение в случае отказа заинтересованному лицу в возобновлении рассмотрения дела с целью исследования дополнительного доказательства и установления нового обстоятельства.

Такой подход более соответствовал бы назначению судебных прений как основанному на принципе состязательности способу реализации лицами, участвующими в деле, права на судебную защиту путем выступления с речью и репликами³⁰.

Вопрос о возобновлении рассмотрения дела может возникнуть также в совещательной комнате при принятии судебного решения, когда суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению (ч. 1 ст. 196 ГПК). Выполняя эти действия, суд может сделать вывод, что не все обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены и требуется в связи с этим представление дополнительных доказательств. Вынесение решения в этом случае поставит под сомнение его обоснованность и становится реальностью возможность

³⁰ Шапителько Т.В. Унификация норм о судебных прениях в свете формирования единого Кодекса гражданского судопроизводства РФ // Современное право. 2019. № 3. С. 86-90.

в последующем отмены этого решения судом вышестоящей инстанции (п. 1, 2 ч. 1 ст. 330 ГПК).

Кроме того, в совещательной комнате может возникнуть необходимость дополнительно исследовать имеющиеся в деле доказательства (задать дополнительные вопросы свидетелям и т.д.). При выяснении таких обстоятельств суд обязан вынести определение о возобновлении судебного разбирательства (ч. 2 ст. 196 ГПК).

А.Г. Плешанов отмечает, что в этом случае происходит возврат процесса на второй этап судебного заседания – исследование судебных доказательств³¹.

А.С. Еременко, оценивая эту ситуацию с позиции доказательственного процесса, подчеркивает, что одна стадия процесса доказывания может переходить в другую в обратном порядке, например, в случае, когда суд приходит к выводу о необходимости исследования обстоятельств дела (ч. 2 ст. 196 ГПК)³².

В определении о возобновлении судебного разбирательства должны быть указаны новые обстоятельства, которые необходимо выяснить и доказательства, которые должны быть исследованы³³.

Таким образом, возобновление судебного разбирательства приводит к необходимости привлечения дополнительных доказательств. При этом нелогичным выглядит законодательный запрет для лиц, участвующих в деле, ссылаться на обстоятельства, которые не выяснялись, и на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании. Заявление о таких обстоятельствах и доказательствах, напротив, способно оказать содействие суду в правильном рассмотрении дела.

³¹ Комментарий к Гражданскому Процессуальному Кодексу РФ. 2-е изд. / под ред. В.И. Радченко. М., 2006. С. 467 (автор главы – А.Г. Плешанов).

³² Еременко А.С. Методологические начала теории применения гражданского закона // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 9. С. 41-44.

³³ Гражданский процессуальный кодекс РФ. Постатейный комментарий / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2003. С. 326 (автор главы – О.А. Рузакова).

Д.М. Наземцев,

юрист нотариуса Барнаульского нотариального округа,
преподаватель кафедры трудового,
экологического права и гражданского процесса ЮИ
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НОТАРИУСАМИ КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛЬНОСТИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В настоящей статье рассматривается нотариальное действие по обеспечению доказательств. Автор анализирует виды обеспечения доказательств, совершаемые нотариусом, а также общие особенности совершения этих нотариальных действий. На основании проведенного исследования автор статьи предлагает самостоятельные выводы и суждения по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: обеспечение доказательств нотариусами, нотариат, гражданский процесс, доказывание, относимость и допустимость.

Обеспечение доказательств в цивилистическом процессе существует для закрепления сведений о фактах на случай возникновения обстоятельств, затрудняющих или делающих невозможным представление доказательств в судебные органы.

В порядке обеспечения доказательств судом могут быть произведены такие действия, как допрос свидетелей, осмотр письменных и вещественных доказательств, прослушивание аудиозаписей, просмотр видеозаписей, а также другие действия, направленные на закрепление доказательств.

При этом законом обеспечение доказательств может быть возложено на иных лиц. Так, статьями 102, 103 Основ законодательства Российской Феде-

рации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (далее по тексту «Основы») предусмотрена деятельность нотариуса по обеспечению доказательств, необходимых в случае возникновения дела в судах или административных органах.

История развития нотариата в России неразрывно связана с судебными органами. Начиная с XVIII в. нотариат относился к судебному ведомству и нотариальные действия совершали либо судьи, либо нотариусы, считавшиеся должностными лицами суда. Долгое время обеспечение доказательств относилось к исключительной компетенции суда. Однако в советский период нотариат постепенно перенимал от народных судов дела бесспорного характера. Впервые обеспечение доказательств было передано к ведению нотариальных органов Положением о государственном нотариате РСФСР от 20 июля 1930 г. Данная функция сохранилась за нотариатом до настоящего времени³⁴.

Статья 102 Основ предусматривает, что обеспечение доказательств нотариусами совершается по просьбе заинтересованных лиц, имеющих основания предполагать, что в суде или административном органе возникнет дело, представление доказательств по которому в будущем станет невозможным или затруднительным.

Основы не раскрывают понятия затруднительности или невозможности представления доказательств в будущем. Вопрос о необходимости обеспечения доказательств решается нотариусом с учетом конкретных обстоятельств, которые должны быть также мотивированы заявителем. В случае подтверждения того, что обеспечить доказательства в будущем представляется затруднительным или невозможным (например, отъезд свидетеля в длительную заграничную командировку, удаление или искажение информации на сайте в сети «Интернет», уничтожение скоропортящихся продуктов, изменение дорожной обстановки после ДТП), нотариус может приступать к совершению указанного нотариального действия. При этом по возможности нотариусу предоставляются соответствующие документы, которые приобщаются к протоколу.

³⁴ Бегичев А.В. Обеспечение доказательств нотариусами. Теория и практика. М., 2013. С. 42.

При совершении нотариального действия по обеспечению доказательств нотариус не решает вопроса об относимости и допустимости доказательств (это входит в компетенцию суда или административного органа, рассматривающих дело), а лишь подтверждает факты, имеющие юридическое значение. В связи с этим нотариус не вправе давать оценки и комментарии в процессуальных документах об обеспечении доказательств.

Ранее указанная статья ограничивала нотариусов в совершении нотариального действия по обеспечению доказательств по делу, которое в момент обращения заинтересованных лиц к нотариусу находится в производстве суда или административного органа. Вместе с тем с 01 января 2015 года (с даты вступления в силу Федерального закона от 29.12.2014 № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») нотариусам было предоставлено право обеспечивать доказательства по делу, которое находится в соответствующем юрисдикционном органе. Эта новелла стала очередным шагом на пути к интеграции цивилистического процесса и нотариата.

В этой связи А.В. Бегичев верно обращает внимание на то, что важным связующим звеном в деятельности нотариата и суда является институт обеспечения доказательств. При этом им же делается вывод о том, что стоящие перед органами нотариата задачи имеют много общего с задачами суда, но осуществляются они иными методами и способами, присущими только нотариату, деятельность которого имеет предупредительный характер. В случае спора в суде нотариально удостоверенное обеспечение доказательств облегчает заинтересованной стороне доказывание своих прав, так как содержание обеспеченного нотариусом доказательства является бесспорным и достоверным³⁵.

Часть 1 статьи 103 Основ к действиям, которые нотариус совершает в порядке обеспечения доказательств, относит: допрос свидетелей, осмотр письменных и вещественных доказательств, назначение экспертизы. Перечень указанных действий, очерчивающих предметную компетенцию нотариуса при

³⁵ Бегичев А.В. Основные положения обеспечения нотариусами доказательств // Экономика и право. XXI век. 2015. № 3. С. 133.

обеспечении доказательств, является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Из этого следует, что нотариат, соответствуя признакам бесспорной юрисдикции, не наделен правом прослушивания аудиозаписей, просмотра видеозаписей, а также других действий, направленных на закрепление доказательств.

При обеспечении доказательств нотариус руководствуется Основами и соответствующими нормами гражданского процессуального законодательства Российской Федерации. В данном случае под гражданским процессуальным законодательством понимаются не только нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, но и нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, составляющие в совокупности гражданское процессуальное законодательство. При этом нормы гражданского процессуального законодательства применимы тогда, когда речь идет о выполнении процессуальных действий по обеспечению доказательств. Следовательно, нормы гражданского процессуального законодательства не могут устранять основные правила совершения нотариальных действий, установленные главой IX Основ.

Учитывая это обстоятельство, следует подчеркнуть, что обеспеченные доказательства безусловно могут использоваться при рассмотрении гражданских дел судами общей юрисдикции и, соответственно, при рассмотрении дел арбитражными судами. В отношении же иных производств вопрос остается открытым. А это и конституционное судопроизводство, и уголовное судопроизводство, и производство по делам об административных правонарушениях (в том числе у судей, административных органов, должностных лиц), а также административные производства различных видов – по таможенным правонарушениям, налоговым правонарушениям, нарушениям антимонопольного законодательства и т.п.³⁶

³⁶ Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате. Постатейный. Изд. 8-е, перераб. и доп. / А.А. Ушаков. М.: Деловой двор, 2020. С. 348.

Возможность обратиться к нотариусу за обеспечением доказательств как до судебного разбирательства, так и во время него является характерной чертой нотариата, относимого к органу превентивного правосудия. Это преимущество позволяет исключить потенциальные судебные разбирательства или не затягивать их, поскольку наличие бесспорного доказательства, обеспеченного нотариусом, будет гарантировать результат в суде соответствующей стороне. Следовательно, нотариальный порядок обеспечения доказательств также предоставляет возможность обращаться к нотариусу за обеспечением доказательств на будущее, на случай возможного судебного процесса³⁷.

Статистика свидетельствует о стабильном росте потребности в этих нотариальных действиях. Так, за 2021 год нотариусами Российской Федерации было совершено 36245 нотариальных действий по обеспечению доказательств, из них 27567 по информации в сети «Интернет»³⁸. С развитием информационных технологий обеспечение доказательств нотариусами обрело новую жизнь. Особенно востребованным в этой связи является обеспечение доказательств в сети «Интернет» и осмотр переписок в соцсети, электронной почте или мессенджере.

Нередко участники правоотношений пренебрегают оформлению тех или иных документов, и обговаривают детали совместной работы лишь в переписке. И в таком случае для восстановления прав или недопустимости их нарушения необходимо своевременно обратиться к нотариусу. За обеспечением доказательств обращаются не только в рамках частных споров, но и государственные органы. Так, к нотариусу обращалась инспекция налоговой службы, которой в рамках выездной налоговой проверки потребовалось подтвердить факт наличия в ассортименте интернет-магазина одной из компаний товаров определенного бренда.

Более того, с 29 декабря 2020 года вступил в силу закон, который позволяет обратиться к нотариусу за обеспечением доказательств в виде осмотра ин-

³⁷ Бегичев А.В. Основные положения обеспечения нотариусами доказательств // «Образование и право», № 3-4, март-апрель 2014 г.

³⁸ Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. Открытие данные. URL: <http://data.gov.ru/opendata/7707211418-sovernotardeystviy>

формации, находящейся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» удаленно, то есть без личной явки к нотариусу лица, обратившегося за совершением нотариальных действий³⁹. Важно подчеркнуть, что осмотр информации в сети «Интернет» относится к такому виду обеспечения доказательств как осмотр письменных доказательств. Этот вид также включает осмотр электронной почты, осмотр SMS-сообщений на мобильном телефоне, осмотр почтовой корреспонденции, осмотр информации, содержащейся на лазерных дисках и иных электронных носителях информации и т.д.

Иные действия по обеспечению доказательств являются не менее востребованными. Так, проведенный нотариусом допрос свидетелей позволяет суду безусловно опираться на зафиксированные в протоколе сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. При этом нотариус предупреждает свидетеля об ответственности за дачу заведомо ложного показания и за отказ от дачи показания. Востребованность таких доказательств подтверждается судебной практикой⁴⁰.

Кроме того, нотариус имеет право назначить экспертизу. О назначении экспертизы выносится постановление, в котором указываются помимо обязательных реквизитов (даты, данных нотариуса, сведений о лице, по просьбе которого назначается экспертиза) вопросы, по которым требуется заключение эксперта; наименование экспертного учреждения, которому поручается производство экспертизы. Нотариусы назначают экспертизу в тех случаях, когда следы, факты, обстоятельства могут со временем исчезнуть или видоизмениться, а обращение заинтересованных в сохранении доказательств лиц в иные компетентные органы и организации займет много времени. Экспертные заключения,

³⁹ О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ.

⁴⁰ Постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 марта 2018 г. № Ф01-567/18 настоящее постановление оставлено без изменения; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24 декабря 2020 г. № Ф01-14217/20 по делу № А38-9492/2018; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13 октября 2020 г. № Ф01-12808/20 по делу № А38-9492/2018; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 июня 2022 г. № 12АП-398/22 по делу № А57-3496/2021.

составленные по постановлению нотариуса, в практике встречаются реже, но все же принимаются судами, приравнивая их к судебным экспертизам⁴¹.

В практике обеспечения доказательств нотариусов встречаются следующие виды осмотра вещественных доказательств: осмотр места предполагаемого незаконного строительства; осмотр места происшествия; осмотр места причинения ущерба в результате залива помещения; осмотр помещения, освобождаемого арендатором; осмотр товарной упаковки, являющейся объектом интеллектуальной деятельности и др.⁴²

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что потенциал нотариата при обеспечении доказательств позволяет реализовать принцип процессуальной экономии в полной мере, поскольку обстоятельства при совершении нотариусами нотариальных действий предполагаются (презюмируются) установленными, если не установлено иного (статья 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статья 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Увеличение потребности в совершении нотариальных действий по обеспечению доказательств свидетельствует о реализации правозащитной функции нотариата. Следовательно, нотариат является наиболее эффективным органом, оперативно закрепляющим доказательства и тем самым способствующим защите прав и законных интересов участников гражданского оборота и экономической деятельности.

⁴¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 августа 2017 г. № С01-183/2016 по делу № А56-69922/2013; Решение Советского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 21 января 2019 г. по делу № 2-773/2019; Решение Белокурихинского городского суда Алтайского края от 18 января 2021 г. по делу № 2-38/2021.

⁴² Методическое пособие по обеспечению доказательств нотариусами / А.В. Бегичев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 69.

И.В. Рехтина,

д.ю.н., профессор, зав. кафедрой трудового,
экологического права и гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс эволюции принципов гражданского процессуального права под влиянием различных факторов. Место и значение принципа правовой определенности как системного качества отрасли процессуального права. Соотношение принципа правовой определенности с иными процессуальными категориями, принципами и аксиомами права. Возможность и специфика применения принципа правовой определенности по аналогии права.

Ключевые слова: гражданский процесс, принципы гражданского процессуального права, правовая определенность, правосудие, аксиомы права, аналогия права, судебное усмотрение, правоприменение, правосудие, судебная практика.

Несмотря на наличие свойств устойчивости, стабильности, определенности и в некотором роде консерватизм, система принципов, как и любая система, находится в динамике и способна трансформироваться, преобразовываться и развиваться под воздействием различного рода факторов⁴³. Поскольку систе-

⁴³ См.: Соловьева Т.В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформы судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6; Рехтина И.В. Влияние Конвенции о защите прав человека и основных свобод и постановлений Европейского суда по правам человека на систему принципов

ма принципов гражданского процессуального права является одним из компонентов, формирующих режим гражданского судопроизводства, то происходящая эволюция системы процессуальных принципов неизбежно оказывает влияние на режим правовой определенности гражданского судопроизводства.

Одним из катализаторов преобразования системы принципов следует рассматривать нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод и постановления Европейского Суда, содержащие толкования норм Конвенции. С момента ратификации Конвенции национальное гражданское процессуальное законодательство находится в процессе преобразования. За двадцать с небольшим лет таких преобразований существенным изменениям подверглись такие блоки процессуального права, как система обжалования судебных актов⁴⁴, система исполнительного производства⁴⁵, формы и способы примирения сторон, примирительные процедуры⁴⁶, повысились гарантии обеспечения права на справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию⁴⁷ и др.

Данный процесс неизбежно оказал влияние на трансформацию системы принципов осуществления правосудия в Российской Федерации, которая выступает своеобразным индикатором режима правовой определенности гражданского судопроизводства, реализуемую по трем основным направлениям:

Первое – законодательное расширение сферы действия ряда принципов, существовавших в гражданском судопроизводстве, но не проявляющих себя в том объеме, который соответствует нормам Конвенции, а также изменение содержания, наполнения, контекстуального значения ранее существовавшего

гражданского процессуального права России // Современное право. 2017. № 11. С. 76-81; Кашепов В.П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 138-151; с. 8-13; Воронов Е.Н. Система и принципы судебного права // Lex russica. 2018. № 2. С. 65-77.

⁴⁴ О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 09.12.2010 № 353-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁴⁵ Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 18.07.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁴⁶ См.: Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 26.07.2019.

⁴⁷ О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

принципа, включая его терминологическое обозначение. Такое усиление принципов осуществляется в нормах процессуального законодательства путем количественного увеличения текстуального закрепления элементов, посредством которых данный принцип реализуется в гражданском судопроизводстве, и введением в научный оборот новых, отвечающих современным европейским критериям, терминов и дефиниций.

Например, усиление принципа процессуального равенства и состязательности сторон, гарантированного ст. 6 Конвенции, предоставляющее сторонам равные возможности в предоставлении доказательств, доводов и комментариев на них⁴⁸, а также гарантии реализовать свое дело в суде в разумных пределах, не ставящих одну из сторон в более выгодное положение по отношению к другой стороне⁴⁹, произошло за счет наделения участников процесса равными процессуальными правами (ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ), в том числе и в судах проверочных инстанций (ст. 320, 336, 391.1 ГПК РФ, ст. 257, 273, 292 АПК РФ), путем нивелирования активной роли суда в процессе и одновременного расширения действия принципа диспозитивности (ст. 39, 173 ГПК РФ, ст. 49, гл. 15 АПК РФ). Так, по делу «Ваньян против России» Европейский Суд констатировал нарушение ст. 6 Конвенции и принципа состязательности процесса, который обозначает предоставление стороне возможности знать и комментировать любые доводы или доказательства, представленные другой стороной, в том числе и при пересмотре дела вышестоящим судом, поскольку одна из сторон давала пояснения при пересмотре дела вышестоящим судом в отсутствие другой стороны⁵⁰.

Принцип верховенства права и доступности правосудия в Российской Федерации (ст. 6 Конвенции), на котором построено демократическое общество, по мнению Европейского Суда по правам человека, подчеркивает исключи-

⁴⁸ Руиз-Матеос (Ruiz-Mateos) против Испании: Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июня 1993 г. (жалоба № 12952/87) // Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/167271/#ixzz4oKm19TgN>

⁴⁹ Неймайстер против Австрии (Neumeister v. Austria): Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 июня 1968 года (жалоба № 1936/63) // Сайт О. Анищука Европейский Суд по правам человека. URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/nejmajster-protiv-avstrii-neumeister-v-avstria-postanovlenie-evropejskogo-suda/>

⁵⁰ Ваньян против России (Vanyan v. Russia): Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 года (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.

тельную роль судебной власти в отправлении правосудия, отражая общее наследие Государств – участников Конвенции⁵¹, расширился при помощи закрепления в процессуальном законодательстве гарантий на судебную защиту любых прав и законных интересов, права инициирования, извещения и участия в судах первой и проверочных инстанций. Например, в деле «Мокрушина против России» Европейский Суд указал, что неуведомление, а равно как и ненадлежащее уведомление, о слушании дела в суде второй инстанции и, как следствие, неучастие в пересмотре дела является нарушением конвенционного права на доступ к правосудию, гарантированного ст. 6 Конвенции⁵².

Терминологическую и содержательную трансформацию в доктрине получили принцип гласности (принцип транспарентности⁵³ (прозрачности) судопроизводства); принцип объективной истины (принцип судебной, формальной, юридической истины)⁵⁴ и др.

Второе – исключение или нивелирование действия тех процессуальных принципов, которые не вписываются в систему конвенционных норм, стандарт правовой определенности гражданского судопроизводства, поскольку были характерны исключительно для гражданского процесса советского периода.

К таким принципам можно отнести принцип активной роли суда⁵⁵, как в суде первой, так и в суде проверочных инстанций, принцип дискреционности

⁵¹ Голдер (Golder) против Соединенного Королевства (жалоба № 4451/70) [рус. (извлечение), англ.]: Постановление ЕСПЧ от 21.02.1975 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=8904#0>

⁵² Мокрушина (Mokrushina) против Российской Федерации (жалоба № 23377/02): Постановление ЕСПЧ от 05.10.2006 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 9.

⁵³ См.: Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.; Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.; Пашина Я.А. Реализация принципа транспарентности в арбитражном процессе нарушена? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 3. С. 81-85.

⁵⁴ См.: Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с.; Самсонов Н.В. Принцип объективной истины в современном административном и гражданском судопроизводстве // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 26-29; Панкова О.В. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 43-46; Гагиев А.К., Дзуматов А.-М.Д.-М. Принцип объективной истины в теории и судебной практике // Российский судья. 2018. № 7. С. 38-42; Носков Ю.Г. Достижение истины и состязательность сторон в судебном процессе // Современное право. 2018. № 4. С. 57-62.

⁵⁵ См.: Громошина Н.А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 96-112; Глодина А.В. Активность суда как ограничитель действия принципа диспозитивности в административном судопроизводстве // Администратор суда. 2018. № 1. С. 14-16; Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономи-

судебной системы⁵⁶, принцип объективной истины⁵⁷, гиперболизированное значение принципа социалистической законности⁵⁸ и др. Например, в решениях Европейского Суда, как адресованных непосредственно Российской Федерации, так и другим странам со схожим проверочным механизмом, неоднократно указывалось, что «пересмотр дел в порядке надзора в РФ не может инициироваться частным лицом, относится к сфере дискреционного усмотрения определенных законом должностных лиц. Таким образом, пересмотр дела в порядке надзора не является эффективным средством судебной защиты по смыслу п. 1 ст. 35 Конвенции»⁵⁹.

Третье – появление новых принципов гражданского судопроизводства, не имевших ранее нормативного выражения, либо представляющих частичное закрепление отдельных элементов, свойств, признаков. К данной группе принципов можно отнести правовую определенность в ипостаси принципа⁶⁰, принцип *res judicata*,⁶¹ состоящий в невозможности пересмотреть окончательное судебное решение, внесенное по делу, принцип процессуальной экономии⁶², принцип

ческого правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3-96; Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.; Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. 400 с.

⁵⁶ См.: Апостолова Н.Н. Принцип целесообразности (дискреционности) в современном российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2009. № 7; Мироненкова А. Законность, целесообразность и дискреционность в уголовном процессе // Мировой судья. 2007. № 10.

⁵⁷ См.: Панкова О.В. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 43-46.

⁵⁸ См.: Козинцев А.Я. Высшие органы юстиции СССР и социалистическая законность в 30-х годах XX века // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 7. С. 41-44; Банова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 564-593.

⁵⁹ Решение Европейского суда по правам человека по вопросу приемлемости жалобы № 47033/99, поданной Тумилович Л.Ф. против Российской Федерации от 22.06.99 г. // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 60; Решение Европейского суда по правам человека по вопросу приемлемости жалобы № 47936/99, поданной Питкевич Г. Против Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 7. С. 33.

⁶⁰ Мусин В.А. Принцип правовой определенности на современном этапе судебной реформы // Арбитражные споры. 2015. № 2. С. 87-92.

⁶¹ Вишневский Г.А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости // Современное право. 2013. № 11. С. 76-83.

⁶² См.: Плешанов А.Г. О конфликте принципов независимости судей и процессуальной экономии в контексте реформы процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12. С. 15-16; Дегтярев С.Л. Негативные последствия реализации принципа процессуальной экономии посредством «расширения» современного приказного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 57-60; Усольцев М.М. Принцип процессуальной экономии в конституционном судебном процессе России: необходимо ли нормативное закрепление? // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 90-94; Кисельников К.А. «Экономия на законе», или Принцип процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве // Адвокат. 2015. № 4. С. 30-36.

добросовестности распоряжения процессуальными правами⁶³, принцип справедливости судопроизводства, «принцип аналогии права и закона»⁶⁴ и др.

Несколько критических высказываний в адрес представленного перечня «новых» принципов состоят в том, что не все поименованные понятия в действительности являются самостоятельными принципами гражданского процессуального права. Так, преждевременно говорить о *res judicata* как о принципе, поскольку, как было выявлено выше в работе, он полностью поглощается принципом правовой определенности. Также ошибочно рассматривать аналогию права и закона в качестве принципа гражданского процессуального права, поскольку данные явления выступают как механизмы восполнения пробелов в законе и праве, а законодательное установление возможности применения данных механизмов к процессуальным отношениям не свидетельствует о переходе данного явления в разряд принципов гражданского процессуального права. Данные принципы, несмотря на отсутствие посвященной им конкретной нормы в процессуальных кодексах, тем не менее, имеют нормативное закрепление отдельных свойств, признаков, элементов.

Например, правовая определенность в одном из своих аспектов рассматривается как принцип правовой (юридической) определенности, вытекающий из смысла ст. 6 Конвенции, закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство, является одним из основополагающих аспектов верховенства права и предполагает уважение принципа *res judicata*, т.е. принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела.

⁶³ См.: Рехтина И.В., Боловнев М.А. Принцип добросовестного пользования и запрет злоупотребления процессуальными правами в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ // Современное право. 2018. № 3. С. 62-68; Бенедская О.А. Преюдиция в арбитражных и третейских судах: теоретические и прикладные проблемы в свете запрета злоупотребления процессуальными правами // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 216-235; Марченко А.Н. Принцип добросовестности как критерий, позволяющий выявить злоупотребление процессуальным правом в гражданском судопроизводстве // Мировой судья. 2019. № 6. С. 32-36; Решетникова И.В. Презумпция добросовестности в арбитражном процессе // Закон. 2017. № 9. С. 120-127; Сафаева Н.Р. Устранение правовой неопределенности и злоупотребления процессуальными правами в корпоративных правоотношениях в контексте судебной практики за 2019 год // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 245-252.

⁶⁴ См.: Фоков А.П. Международные стандарты справедливого правосудия на стадии исполнения: итоги судебной реформы в России // Администратор суда. 2019. № 3. С. 11-15; Фоков А.П. Международные принципы и стандарты справедливого правосудия // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. С. 3-6; Шамшурин Л.Л. Справедливость как принцип российского цивилистического процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 15-20.

Из данного принципа вытекает, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления. Пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как лишь возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра. Отступления от этого принципа оправданы только тогда, когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера. Недопустимо, что окончательное, имеющее обязательную юридическую силу судебное постановление являлось бы недействующим в ущерб одной из сторон⁶⁵.

Принцип правовой определенности, включающий *res judicata*, проявляется в таких элементах, как установление пресекающего срока на апелляционное, кассационное, надзорное обжалование (ст. 320, 336, 391.1 ГПК РФ, ст. 259, 276, 291.2, 308.1 АПК РФ), конкретизация оснований отмены судебных актов (ст. 387, 391.9 ГПК РФ, ст. 288, 291.11, 308.8 АПК РФ), наличие последней инстанции для пересмотра в порядке надзора судебного акта на национальном уровне в лице Президиума Верховного Суда Российской Федерации (ст. 391.1 ГПК РФ, ст. 308.9. АПК РФ).

В отдельную специальную группу следует выделить принципы, наличие которых разделяется не всеми учеными, их названия вызывают бурную дискуссию, однако абсолютно исключить данные категории из исследований представляется малопродуктивным, поскольку они входят в предмет научных изысканий, апробируются и внедряются в правоприменительный процесс, в отношении данных явлений уже имеются научные исследования и доктринальные разработки. В такой ситуации предлагается их именовать как «пред-принципы» гражданского процессуального права, что впоследствии предполагает либо

⁶⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.07.2003 г. по делу Рябых против РФ // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 110-119.

утрату статуса принципа, либо переход из состояния пред-принципа в полноценный самостоятельный принцип права⁶⁶.

Таковыми абсолютно новыми в трансформирующейся системе принципов гражданского процессуального права являются: принцип содействия сторон⁶⁷, принцип пропорциональности в судопроизводстве⁶⁸, принцип исполнимости судебного решения⁶⁹, принцип соразмерности⁷⁰, принцип *lis pendens*⁷¹, принцип эстоппель⁷² и др.⁷³

Появление новых процессуальных принципов подтверждается активным их применением и толкованием в актах высших судебных органов. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда от 31 июля 2014 года по делу «ОАО» «Нефтяная компания «ЮКОС» против России в связи с запросом Министерства юстиции РФ», отказывая в исполнении данного акта, в п. 4.1. опирался на выраженные в статьях 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ *принципы юридического равенства*

⁶⁶ Данный процесс, происходящий в научной доктрине, можно охарактеризовать как «предчувствие принципов гражданского процессуального права».

⁶⁷ Панченко П.В. Теоретико-методологические подходы к определению места принципа содействия сторон в системе принципов гражданского права // Власть Закона. 2017. № 3. С. 252-269.

⁶⁸ См.: Нохрин Д.Г. Принцип пропорциональности и «деформализация» судопроизводства (на примере апелляционного производства по частным жалобам в гражданском процессе) // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1. С. 58-73; Гаджиев Г.А. О принципе пропорциональности и конституционной кассации // Судья. 2019. № 7. С. 56-64; Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. М.: ИздСП, Норма, ИНФРА-М, 2019. 400 с.; Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019. 255 с.; Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2017-2018 годах // Закон. 2019. № 3. С. 88-109.

⁶⁹ См.: Саркисова С.Н. Конституционный принцип исполнимости судебного решения и перспективы его реализации // Современное право. 2019. № 11. С. 84-90.

⁷⁰ См.: Сидоров И.С. Теоретико-методологические проблемы необходимости закрепления принципов соразмерности и разумности в исполнительном производстве в Российской Федерации // Современное право. 2019. № 10. С. 83-87; Слесарев В.Л., Кравец В.Д. Принцип соразмерности и применение судами ст. 333 ГК РФ // Lex russica. 2017. № 5. С. 116-125; Дегтярев С.Л. Действие принципов справедливости и соразмерности ответственности при возмещении убытков // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 56-57.

⁷¹ См.: Филимоненко А.А. Принцип *lis pendens* как средство борьбы с параллельными процессами: взгляд сквозь призму опыта Европейского союза // Закон. 2019. № 10. С. 137-147.

⁷² См.: Шеменова О.Н. Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 343-353; Ворожечин А. Принцип эстоппеля не позволил обществу добиться отмены решения третейского суда // ЭЖ-Юрист. 2018. № 38. С. 14; Городилова Ю.Л. Особенности применения принципа эстоппель в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2017. № 6. С. 50-54.

⁷³ Представляется, что часто авторы в своих исследованиях применяют термин «принцип» без учета той смысловой и содержательной нагрузки, которую он несет в гражданском процессуальном праве, имея в виду не принципы права, а правила, механизмы, порядок, регламенты реализации каких-то групп гражданских процессуальных отношений.

и справедливости и вытекающий из них *принцип соразмерности* (пропорциональности, пропорционального равенства), обеспечивающие одинаковый объем юридических гарантий всем налогоплательщикам...»⁷⁴. Также в данном постановлении в п. 4.2 содержится привязка к принципу правовой определенности в форме указания на то, что «выявление Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла ст. 113 Налогового кодекса РФ не повлекло пересмотра вынесенных в отношении компании окончательных вступивших в законную силу судебных актов и, соответственно, не затронуло данный аспект гарантий *правовой определенности*»⁷⁵.

В другом постановлении в п. 4.1 Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «абстрактный характер нормативности, заложенной в понятии «основополагающие принципы российского права», изначально предопределен высокой степенью обобщенности общественных отношений, которые регулируются на основе этих принципов, и потому не может рассматриваться как недопустимый отход от *принципа правовой определенности*, тем более с учетом того, что данный принцип конкретизирован федеральным законодателем при формулировании других оснований для отмены (отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение) решения третейского суда»⁷⁶.

Верховный Суд Российской Федерации при формулировании руководящих разъяснений и рекомендаций для судей вслед за Конституционным Судом опирается на новые принципы осуществления правосудия, появившиеся в системе принципов в связи с ратификацией Конвенции. В п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» от 27.06.2013 № 21 указано, что «если решение

⁷⁴ По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: Постановление КС РФ от 19.01.2017 № 1-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ По делу о проверке конституционности положений статьи 18 ФЗ «О третейских судах в РФ», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК РФ и пункта 3 статьи 10 ФЗ «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой ОАО «Сбербанк России»: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 № 30-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2015.

суда было исполнено на момент, когда стало окончательным постановление Европейского Суда, в котором установлено, что при принятии этого решения были нарушены положения Конвенции или Протоколов к ней, то отмена такого решения по новому обстоятельству в связи с указанным постановлением Европейского Суда превалирует над принципом правовой определенности»⁷⁷.

Использование указанных выше принципов в актах высших судебных органов подтверждает их присутствие в системе принципов гражданского процессуального права и юридическую силу при осуществлении правосудия. Активное применение в судебной практике «новых» принципов свидетельствует о трансформации всей системы процессуальных принципов и новом этапе эволюционного развития данного системообразующего компонента.

Таким образом, можно заключить, что правовая определенность в ипостаси принципа относится к относительно новым принципам гражданского процессуального права (момент выделения которого в качестве самостоятельного принципа российского гражданского процессуального права ассоциируется с фактом ратификации в 1998 году Российской Федерации Конвенции о защите прав человека и основных свобод), имеет смысловой способ закрепления⁷⁸, в качестве первоисточника его фиксации на международном уровне выступают нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод. На национальном уровне принцип правовой определенности закрепляется в нормах гражданского процессуального законодательства Российской Федерации⁷⁹. Применение

⁷⁷ О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁷⁸ В научной литературе высказаны предложения по объективированию принципа правовой определенности путем непосредственного закрепления в нормах процессуальных кодексов в форме специальной статьи, что, по мнению ученых, существенно улучшит механизм его применения и соблюдения. См. Свирин А.Ю. Принцип правовой определенности в гражданском процессе // Современное право. 2013. № 11. С. 95-98. Однако, на наш взгляд, способ закрепления принципа не является главным при разработке механизма его применения и обеспечения. Решающим в данном аспекте выступает не отдельная статья кодекса, а сформированный режим обеспечения данного принципа – режим правовой определенности.

⁷⁹ В науке ведется дискуссия о характере данного принципа. Существуют позиции, что данный принцип носит межотраслевой характер, что представляется изначально некорректным, поскольку принцип правовой определенности имеет более высокий уровень закрепления в нормах Конвенции и распространяет свое действие на все отрасли права. Исследование сущности данного принципа и механизма применения позволяет присоединиться к позиции Е.А. Дербышевой, что принцип правовой определенности является общеправовым, специально-юридическим принципом российского права. См. Дербышева Е.А. Место принципа правовой определенности в системе принципов российского права // Право и политика. 2017. № 2. С. 29-41.

и толкование данного принципа реализуется в постановлениях Европейского Суда по правам человека, вслед за ними – в актах Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации.

Правовое регулирование даже при полном его совершенстве не может превратиться в застывшую схему. «Чтобы сохранить за собой элемент созидания, каждая система норм должна постоянно совершенствоваться, отражая изменившиеся общественные потребности»⁸⁰, отсюда естественность трансформации системы принципов цивилистического процесса, обусловленная развитием общественных отношений и процессуального законодательства под воздействием норм Конвенции и постановлений Европейского Суда. Действующее гражданское процессуальное право следует рассматривать как живой, постоянно развивающийся организм, некоторые части (клетки) которого постоянно нуждаются в обновлении и должны быть отменены, потому что выполнили свою задачу, отслужили свою службу⁸¹.

Данный тезис относится и к системе процессуальных принципов, как отдельному индикатору режима правовой определенности гражданского судопроизводства, архаичные элементы которой требуют исключения, а действующие и отвечающие современным условиям принципы цивилистического процесса нуждаются в преобразовании и модернизации⁸². Именно в системе принципов закладывается основополагающая основа для формирования надлежащего режима правовой определенности гражданского судопроизводства. От того, насколько система принципов соответствует конвенционному стандарту правовой определенности, зависит эффективность национального режима правовой определенности. В связи с чем надлежащий мониторинг, своевременная ревизия и эффективная трансформация национальной системы принципов гражданского процессуального права обеспечивают справедливое судопроизводство и эффективный режим правовой определенности.

⁸⁰ Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л., 1987. С. 12.

⁸¹ Там же. С. 23.

⁸² См.: Амосов С.М., Некрасов С.Ю. Современные типы правопонимания и правореализация принципов гражданского процессуального права // Академический юридический журнал. 2020. № 4 (82). С. 48-52.

Принцип правовой определенности как отдельная ипостась правовой определенности наряду с другими принципами гражданского процессуального права может применяться для устранения пробелов (А. Барак называет их «лакунами»⁸³) по аналогии права. Трудности применения аналогии права вызваны тем, что существует несколько способов закрепления принципов гражданского процессуального права: текстуальный (непосредственное закрепление), когда образуются нормы-принципы, и смысловой (косвенное закрепление), когда содержание конкретного принципа выводится из анализа содержания совокупности ряда норм ГПК РФ⁸⁴. Проблемы возникают при применении по аналогии права тех принципов, которые не имеют нормативного закрепления⁸⁵. Речь идет о принципах диспозитивности, судебной истины, процессуальной экономии, законности, обоснованности, которые выводятся из содержания многих статей ГПК РФ⁸⁶.

Данное обстоятельство непосредственно касается и принципа правовой определенности, который выводится не просто из совокупности национальных процессуальных норм, но и норм Конвенции. В связи с чем каждый правоприменитель может вкладывать собственное понимание в содержание данного принципа, что может влечь произвольное толкование отдельных аспектов как принципа правовой определенности, так и иных принципов гражданского судопроизводства, имеющих косвенный способ фиксации. Толкование содержания принципов, не имеющих текстуального закрепления в нормах ГПК РФ, должно быть официальным. Такое толкование необходимо реализовать в форме руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и отразить в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федера-

⁸³ См.: Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. С. 111.

⁸⁴ См.: Уржинский К.П. К вопросу о принципах правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 1968. № 3. С. 124.

⁸⁵ См.: Этина Т.С. Границы судебного усмотрения при применении процессуальной аналогии в гражданском судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 40 / под ред. Б.Л. Хаскельберга, В.М. Лебедева, Г.Л. Осокиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 124.

⁸⁶ См.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. М., 2008. С. 117.

ции. Тем более такая функция непосредственно возложена на Верховный Суд Российской Федерации законом (ч. 5 ст. 19 ФКЗ «О судебной системе»⁸⁷).

С применением принципа правовой определенности по аналогии права должны учитываться следующие обстоятельства:

Принцип правовой определенности не имеет непосредственного текстуального закрепления ни в нормах Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ни в российском процессуальном законодательстве. Выводится из совокупности норм (смысловой способ фиксации) путем толкования Европейским Судом, высшими судебными инстанциями России: Конституционным Судом, Верховным Судом, на чьи акты необходимо ориентироваться судьям при использовании данного принципа при аналогии права.

При этом дискреция национальных судов по установлению и квалификации нарушения правовой определенности не может быть произвольной и абсолютно широкой, национальные суды должны опираться в этом вопросе на практику Европейского Суда по правам человека и практику Верховного Суда Российской Федерации, который формирует единство судебной практики и осуществляет высший судебный надзор. Именно к компетенции высшего суда относится вопрос выявления, указания на типичные нарушения правовой определенности, которые Суд должен разъяснить. Отсутствие общих критериев правовой определенности (здесь надо отметить, что они уже выработаны и применяются в национальной практике, но нуждаются в регулярном дополнении и конкретизации) будет приводить к судебскому произволу.

Этим национальная система отличается от конвенционной (наднациональной), где нормы Конвенции наделяют Европейский Суд по правам человека широкой дискрецией в вопросах толкования правовой определенности. Он может выявлять иные, новые смыслы правовой определенности и давать ей новое толкование, поскольку отсутствует исчерпывающий перечень содержательного

⁸⁷ О судебной системе: Федеральный Конституционный закон от 31.12. 1996 № 1-ФКЗ (в ред. от 30.10.2018) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

наполнения данного принципа, его толкования разнообразны, могут варьироваться, пополняться новыми аспектами и ситуациями.

Второй аспект вытекает из предыдущего и определяет нераспространенность применения принципа правовой определенности по аналогии права при рассмотрении конкретных дел. Преимущественно такие примеры можно найти в практике судов апелляционной, кассационной или надзорной инстанций.

Так, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2016 № 34-КГ16-5 постановление суда отменено и дело направлено на новое апелляционное рассмотрение, так как суд, снижая размер взыскиваемой неустойки на основании статьи 333 ГК РФ и размер взыскиваемых судебных расходов, не учел, что в материалах дела отсутствуют сведения, подтверждающие, что ответчиком было заявлено о снижении указанных сумм, что материалы дела не содержат доказательств того, что судебные расходы взыскиваются истцом в чрезмерном размере. Верховный Суд РФ, применив по аналогии принципы правовой определенности, справедливости судебного разбирательства, с учетом баланса интересов и поведения участников, указал, что, определяя размер сумм, взыскиваемых в возмещение судебных издержек, суд не вправе уменьшать его произвольно, если другая сторона не заявляет возражений и не представляет доказательств чрезмерности взыскиваемых с нее расходов.

Суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер. Однако сведений, подтверждающих, что ответчик заявил о снижении размера подлежащих взысканию с него в пользу истца судебных расходов, а также доказательств того, что расходы носят неразумный (чрезмерный) характер, материалы дела не содержат⁸⁸.

⁸⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.04.2016 № 34-КГ16-5. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=742C443EDDEE70B69774B7279B32D9D9&req=doc&base=ARB&n=460961&dst=100035&fld=134&REFFIELD=134&REFDST=100003&REFDOC=3250&REFBASE=PPVS&stat=reocode%3D10881%3Bdstident%3D100035%3Bindex%3D6#1ifhbwwicyy>

В предлагаемых условиях целесообразно Верховному Суду Российской Федерации сформулировать и выразить свою правовую позицию о возможности, в некоторых случаях необходимости и эффективности применения принципа правовой определенности по аналогии права в гражданском судопроизводстве, поскольку применение данного механизма вписывается в режим правовой определенности и служит гарантией обеспечения на национальном уровне соблюдения данного конвенционного принципа.

Н.О. Сабанина,

к.и.н., ОЧУВО «Международный инновационный
университет» (Новомосковский институт)

С.А. Попов,

к.т.н., доцент, ОЧУВО «Международный инновационный
университет» (Новомосковский институт)

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО ПРИ БАНКРОТСТВЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Аннотация. В условиях экономической нестабильности, опосредованной существенным ухудшением геополитической ситуации, а также тем фактом, что хозяйствующие субъекты еще не в полной мере оправились от коронавирусных ограничений, проблематика процедуры банкротства юридического лица является весьма актуальной на современном этапе. В связи с этим анализ института процессуального правопреемства при процедуре банкротства юридического лица также является актуальной задачей, поскольку его правильное применение позволяет хозяйствующим субъектам, прежде всего, кредиторам, сохранить своё имущество в ходе данной процедуры.

Ключевые слова: правопреемство, банкротство, юридическое лицо, должник, кредитор, ответственность, обязательства.

Прежде чем анализировать проблематику процессуального правопреемства при банкротстве юридического лица, хотелось бы обратиться к категориальной составляющей рассматриваемого вопроса.

Итак, процессуальное правопреемство включает в себя замену правопреемника на правопреемника, то есть одного лица, участвующего в деле,

на другое в правоотношении, которое является спорным, либо же оно установлено решением суда⁸⁹.

Институт процессуального правопреемства при процедуре банкротства юридического лица имеет свои законодательные корни в российском законодательстве, поскольку, например, ГК РСФСР закреплял возможность в строго установленных законодателем случаях возможность исполнения другим юридическим лицом обязательств лица, которое было ликвидировано.

В современной отечественной юриспруденции наличествует практика⁹⁰, которая была сформирована и долгое время подтверждалась частью первой ГК РФ в его первоначальной редакции, согласно которой если юридическое лицо было ликвидировано, то его права и обязанности не могут перейти к другим лица в порядке правопреемства.

Однако в 2010 году ГК РФ претерпел изменения, результатом которых стало внесение в него ряда исключений к федеральному законодательству, в частности, данными изменениями была закреплена возможность правопреемства при ликвидации юридического лица или прекращении им деятельности, однако с рядом оговорок.

В 2014 году в результате новых изменений, внесенных правотворцем в гражданское законодательство, на смену универсальному правопреемству, возникающему при ликвидации юридического лица, пришло сингулярное.

В частности, статья 419 ГК РФ предусматривает факт того, что с ликвидацией юридического лица происходит и прекращение его обязательств, кроме тех случаев, когда законодательством непосредственно предусматривается возможность возложения данных обязательств на другое лицо, например, если имеют место требования, связанные с причинением вреда жизни или здоровью.

⁸⁹ Крашенинников С.В., Анисифоров Т.С. Проблемы правового регулирования института процессуального правопреемства в случае банкротства юридического лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7.

⁹⁰ Определение Арбитражного суда Московской области от 4 октября 2019 г. по делу № А41-12036/2016. [интернет-портал]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/da627ccf-d912-4848-9bb5-93c3953b8d04> (дата обращения: 26.08.2022).

Когда юридическое лицо проходит процедуру ликвидации, связанную с его несостоятельностью (банкротством), то основанием для ликвидации юридического лица в данном случае служит решение суда.

Однако закон предусматривает дополнительную (субсидиарную) ответственность лиц, которое согласно условиям, установленным обязательством, либо закрепленным в нормативно-правовых актах, несет ответственность, имеющую характер дополнительной к ответственности должника.

В практике возникают проблемные зоны, связанные с установлением возможности для кредитора, который не успел в ходе производства по делу о банкротстве закрепить свое процессуальное правопреемство к юридическому лицу, признанное судом в установленном порядке банкротом и в дальнейшем ликвидировано, произвести замену стороны ликвидированным правопреемником⁹¹.

Обратимся к примерам из правоприменительной практики.

В частности, суды зачастую не идут навстречу кредиторам в подобного рода случаях, отказывая им в возможности установления процессуального правопреемства, ссылаясь при этом на часть 1 статьи 61 ГК РФ.

В сущности, правоприменитель в лице судебных органов тем самым лишает кредитора права подать заявление в целях привлечения к дополнительной ответственности других лиц после завершения конкурсного производства в отношении должника.

Обращаясь к Определению Верховного Суда РФ по делу № 307-ЭС14-5320, необходимо отметить, что в нем прямо сказано о нарушении права лица на защиту со стороны судебных органов и устранение судебных ошибок лишь на том основании, что на момент рассмотрения дела в суде уже было произведено внесение записи в ЕГРЮЛ о ликвидации юридического лица, признанного банкротом.

⁹¹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21 ноября 2019 г. № 10АП-21785/2019 по делу № А41-12036/16.: [интернет-портал]. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.08.20212).

Согласно Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 октября 2019 г. № 308-ЭС19-12135 по делу № А32-14909/2013, процедура конкурсного производства, которая вводится при судебном рассмотрении дела, направленного на признание в установленном законом порядке юридического лица банкротом, имеет своей векторной целью максимально возможное формирование конкурсной массы с тем, чтобы произошло наиболее полное удовлетворение кредиторов пропорционально их требованиям за счет полученных средств.

Таким образом, по мнению целого ряда исследователей, происходит серьезное нарушение гарантий прав кредиторов в части соразмерного распределения средств конкурсной массы в связи с тем, что суд отказывается установить факт изменения субъектного состава участников процессуального правоотношения⁹².

Сложно усомниться в справедливости выдержки из Постановления Европейского суда по правам человека относительно требований к процессуальному порядку, которые должны базироваться на таких основополагающих столпах как состязательность и равноправие сторон в реализации их процессуальных возможностей, а также содержать адекватные юридические гарантии⁹³.

Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации также было отмечено, что если лицо является кредитором в деле о банкротстве и при этом его требования базируются на основаниях, имеющих характер материально-правовых требований в отношении должника, однако права данного лица до окончания конкурсного производства восстановлены не были, а должник был ликвидирован, то таким лицам следует предоставлять возможность получения возмещения за счет имущества иных субъектов.

⁹² Крашенинников С.В., Анисифоров Т.С. Проблемы правового регулирования института процессуального правопреемства в случае банкротства юридического лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7.

⁹³ Информация о Постановлении ЕСПЧ от 27 октября 2004 г. по делу «Эдвардс и Льюис (EdwardsandLewis) против Соединенного Королевства» (жалобы № 39647/98, 40461/98) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2005. № 2.

Основываясь на фактах, изложенных выше, Верховный Суд Российской Федерации пришел к следующему выводу: п. 5 ч. 1 ст. 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и п. 48 Постановления Пленума ВАС РФ от 15 декабря 2004 г. № 29⁹⁴ в рассматриваемом случае не подлежат применению в силу того, что притязания кредиторов, носящие правовой характер, сохраняются в отношении лиц, контролирующих должника, а также управляющих конкурсным производством, лиц, которые незаконно и без каких бы на то оснований обогатились за счет имущества должника и др. Иной путь развития в судебной практике однозначно свидетельствовал бы о необоснованном ограничении прав кредиторов в отношении имущества должника⁹⁵.

Таким образом, учитывая положения Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 1 ст. 61), следует полагать, что и после ликвидации должника существует возможность сингулярного правопреемства, в связи с чем обязательства, возникшие перед кредитором, нельзя считать прекращенными при наличии неисполненного требования к должнику.

⁹⁴ Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»: [интернет-портал]. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.10.20212).

⁹⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 октября 2019 г. № 308-ЭС19-12135 по делу № А32-14909/2013 [интернет-портал]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=533108#FKhCBhSINIFBGIU11> (дата обращения: 29.08.2022).

В.А. Стародубов,

студент 4 курса, ЮИ ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет»

ПРОБЛЕМАТИКА ИСТРЕБОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУДОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Данная статья является пересмотр сложившихся в гражданском процессуальном законодательстве правил собирания доказательств судом. Проводится разграничение между понятиями «истребование» и «сбор» доказательств судом. Анализируется вопрос истребования доказательств судьей по своей инициативе как самостоятельное основание для отмены судебного решения.

Ключевые слова: истребование доказательств, сбор доказательств, формальные основания, принцип справедливости, исковое производство.

Истребование доказательств судом является краеугольной проблемой всего гражданского процесса. Этой теме посвящено огромное количество трудов, но при этом даже сегодня она не является полностью однозначной. Современная практика гражданского и арбитражного судопроизводства насчитывает в себе многочисленные случаи, в которых наглядно просматривается тот факт, что суды зачастую игнорируют запрет на истребование доказательств по своей инициативе. При этом такое действие открывает большие возможности для наступления процессуальных последствий в виде отмены такого решения суда в апелляционном порядке на основании ч. 3 ст. 330 ГПК РФ и ч. 4 ст. 270 АПК РФ. Но так ли это на самом деле? Можно ли считать, что нарушение судом правил доказывания, выразившееся в истребовании судом по своей инициативе доказательств в исковом производстве, не является самостоятельным основанием для отмены или изменения решения суда в гражданском процессе?

Согласно ст. 57 ГПК РФ, основным шагом для начала процедуры истребования доказательств судом является заявленное лицом ходатайство, содержание которого должно соответствовать ч. 2 данной статьи (должны быть указаны обстоятельства, имеющие значения для правильного рассмотрения дела, причины, препятствующие получению данного доказательства и его местоположение и др.). При этом отмечается, что суд по ходатайству «оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств».

Анализируя нормы гражданского процессуального законодательства, суд правомочен совершать сбор доказательств по своей инициативе, но при этом истребование доказательств не является его законодательно установленной обязанностью, из чего можно сделать вывод, что понятие сбор доказательств шире по своему объему понятия истребования доказательств.

Собирание доказательств – это этап, охватывающий деятельность суда участвующих в деле лиц и их представителей, направленный на получение необходимых доказательств к моменту разбирательства дела в судебном заседании⁹⁶.

Непосредственно сбор доказательств может быть выведен из анализа принципа состязательности, который на сегодняшний день состоит в следующем:

1. Стороны должны доказать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений (ч. 1 ст. 56 ГПК). В случае если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, то суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств (ст. 57 ГПК РФ)

2. Суд оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств, формирования предмета доказывания (ст. 12 ГПК РФ).

⁹⁶ Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 472 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1904396>

3. Суд имеет право в отдельных случаях самостоятельно собирать доказательства, а именно: назначать экспертизы, привлекать к участию в деле эксперта и проводить его опрос (ст. 79, 82, 83, 87 п. 8 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ); направлять судебное поручение (ст. 63, п. 11 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ), привлекать к участию в деле специалиста и проводить его опрос (ст. 188 ГПК), вызывать свидетеля и опрашивать его (ч. 2 ст. 69, ч. 2 ст. 96, п. 7 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ).

В Гражданском процессуальном кодексе на сегодняшний день отсутствует какая-либо норма, прямо запрещающая суду истребовать по своему желанию доказательства. Данное правило презюмируется и вытекает из смысла норм ГПК РФ.

Но, как уже упоминалось выше, судьи крайне часто выходят за рамки данного правила и начинают истребовать доказательства самостоятельно.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам суда Чукотского автономного округа в апелляционном определении от 25.01.2016 г. по делу № 33-5/2016, отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы и оставляя решение суда первой инстанции без изменения, указала, что «доводы представителя истца о нарушении судом первой инстанции порядка истребования доказательства: выписки из финансово-лицевого счета квартиры, а также о незаконном допросе в качестве свидетеля Г.А.Ю. не опровергают выводов суда и не могут служить основаниями для отмены судебного постановления, поскольку в силу части 3 статьи 330 ГПК РФ нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения. Нарушений норм процессуального права, влекущих безусловную отмену состоявшегося по настоящему делу судебного постановления, судебной коллегией не установлено⁹⁷».

Абсурдной представляется мысль по поводу того, что суд апелляционной инстанции решит, что судом первой инстанции в противоречие с принципом

⁹⁷ Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 25 янв. 2016 г. по делу № 33-5/2016. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

состязательности по своей инициативе были истребованы доказательства, которые должны были быть представлены самой стороной и исключит или проигнорирует такие доказательства или вовсе изменит либо отменит решение, считая данные доказательства несуществующими. Думается, что данное нарушение суда следует относить к категории условных (ч. 3 ст. 330 ГПК РФ), которые не могут повлиять на правильность вынесенного решения по существу спора. Подкрепляет данное утверждение и ч. 6 ст. 330 ГПК, предусматривающая запрет на отмену решения суда только по формальным соображениям. Но что такое формальные соображения?

Согласно п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»: «Правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям (часть 6 статьи 330 ГПК РФ), например из-за нарушения судом первой инстанции порядка судебных прений, необоснованного освобождения лица, участвующего в деле, от уплаты государственной пошлины и т.п. Характер допущенных судом первой инстанции нарушений, а также вопрос о том, могли ли они привести к неправильному разрешению спора, оценивается судом апелляционной инстанции в каждом конкретном случае исходя из фактических обстоятельств дела и содержания доводов апелляционных жалобы, представления».

Резюмируя сказанное Верховным Судом – нарушение процессуальных норм, которое не повлияло на правильное по существу решение дела, не может являться основанием для отмены или пересмотра судебного решения. Можно заключить, что истребование доказательств судом по своей инициативе отнесено Верховным Судом к формальным нарушениям и само по себе не может являться основанием для отмены судебного акта.

Данное заключение, по нашему мнению, является более чем обоснованным, так как основными задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в це-

лях защиты нарушенных или оспариваемых прав, то есть истребование судом доказательств по своей инициативе является ничем иным, как установлением действительных обстоятельств дела, что влечет за собой вынесение справедливого судебного решения. Если же признавать такое процессуальное нарушение отдельным основанием для отмены судебного акта, то это будет противоречить основным началам гражданского процесса, принципу справедливости, процессуальной экономии и самому здравому смыслу.

Действия вышестоящих судов, в случае оставления без изменения подобных решений судов первой инстанции с таким процессуальным нарушением в силе, будут в большой степени соответствовать целям вынесения справедливого и своевременного решения, а также процессуальной экономии, нежели отмена таких решений.

Но вместе с тем, если суд первой инстанции, помимо процессуального нарушения в виде истребования доказательств по собственной инициативе, также совершит другие нарушения, перечисленные в ст. 330 ГПК РФ, то суд вышестоящей инстанции не может и не должен игнорировать такое нарушение. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Сахалинского областного суда от 8 сентября 2016 г., констатирует, что, помимо нарушений норм материального права, судом апелляционной инстанции были допущены также существенные нарушения норм процессуального права, которые выразились в истребовании судом апелляционной инстанции по своей инициативе у Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Сахалинской области и у агентства недвижимости дополнительных доказательства по делу⁹⁸.

Точно такой же путь решения подобных ситуаций наблюдается и в практике арбитражных судов. Президиум ВАС РФ, отменяя постановление Федерального арбитражного суда Московского округа, указал на нарушение норм

⁹⁸ Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 10 апр. 2017 г. № 64-КГ17-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

материального и процессуального права, выразившиеся в том, что Федеральный арбитражный суд Московского округа неверно указал на необходимость сбора доказательств судом первой инстанции, вопреки тому, что такая обязанность по делам, рассматриваемым в порядке искового производства, на суд не возложена⁹⁹. Формулировка постановления Президиума ВАС РФ относительно нарушения норм процессуального права больше соответствует действующему процессуальному законодательству, чем определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, который назвал нарушение правил истребования доказательств по инициативе суда существенным нарушением норм процессуального права.

Подводя итог, можно сделать вывод: на сегодняшний день в гражданском процессуальном законодательстве отсутствуют какие-либо нормы, содержание которых могло бы действенным образом пресекать подобные процессуальные нарушения в виде инициативного истребования доказательств со стороны суда. При этом решения судов первой инстанции, в которых содержится только такое нарушение, в судах вышестоящей инстанции должны оставаться в силе, нежели быть отмененными или отправленными на пересмотр, так как в этом видится как практическая ценность (с точки зрения процессуальной экономии и вынесения справедливого решения), так и более полное соответствие задачам гражданского судопроизводства.

В конце данного доклада можно сделать два вывода:

1. Суды не вправе самостоятельно истребовать доказательства по своей инициативе в рамках искового производства.

2. Нарушение судом правил, которые запрещают суду истребовать доказательства по собственной инициативе в исковом производстве, в отсутствие каких-либо иных оснований для изменения или отмены решения суда нижестоящей инстанции, не является самостоятельным основанием для изменения или отмены такого решения.

⁹⁹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 25 июля 2011 г. № 5256/11 по делу № А40-38267/10-81-326 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М.А. Стародубцева,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
ФБГОУ ВО «Алтайский государственный университет»

ОСОБОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГПК РФ И ПРИЗНАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам исследования процедуры признания информационных материалов экстремистскими в гражданском процессе и административном судопроизводстве.

Ключевые слова: экстремизм, процедура, информационные материалы, дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Экстремизм в научной литературе трактуется как приверженность крайним взглядам и деструктивным, агрессивным мерам разрешения конфликтных ситуаций. Это, в частности, соответствует взгляду Уве Бакеса, рассматривающего экстремизм как этические и правовые границы модели социально-политической, конституционной системы¹⁰⁰.

С.И. Чудинов не в полной мере соглашается с позицией Бакеса, согласно которой экстремизм противопоставляется «умеренному ценностно-идеологическому фундаменту»¹⁰¹. Действительно, это может быть справедливо в европейской либерально ориентированной науке, однако неудачно для перенесения в любую, особенно российскую, реальность, для которой как раз никакой «умеренности» не существует априори. Европейский суд по правам человека отмечал, что область экстремизма, экстремистской деятельности «сложна для формулирования законов с абсолютной точности, допустима определенная степень гибкости, чтобы позволить российским судам оценивать, следует ли конкрет-

¹⁰⁰ Backes U. Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present // Central European Political Studies Review. 2007. Autumn. Vol. IX. Part 4. P. 242-262.

¹⁰¹ Чудинов С.И. Экстремизм и научный образ экстремизма: столкновение мировоззренческих парадигм// Теория и практика общественного развития. 2014. №18. С.159-161.

ное действие расценивать как разжигающее ненависть и вражду по признакам, перечисленным в указанной статье (ст. 282 УК РФ)».

В ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Федеральный закон) дается определение экстремистской деятельности¹⁰². Однако если мы в него углубимся, то увидим, что в настоящем Федеральном законе отсутствует само понятие, дан лишь перечень деяний, которые судам следует считать экстремистскими. Следует также отметить, с 2007 года список деяний расширялся, но, по нашему мнению, это способствовало конкретизации определения экстремистской деятельности.

В 2018 году в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) были внесены новые две главы (27.1 и 27.2), регулирующие рассмотрение в административном производстве дел о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено, и о признании информационных материалов экстремистскими. Учитывая уровень опасности распространения запрещенной и экстремистской информации, урегулирование порядка рассмотрения данной категории дел в специальных главах КАС РФ Ю.А. Дронова справедливо обозначила значимой новеллой законодательства¹⁰³.

Однако дополнения и поправки, внесенные Федеральным законом от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ, вступили в силу только с 1 октября 2019 года, с даты действия преобразованных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции.

Незначительное время действия и небольшая практика реализации указанных норм в рамках уже административного судопроизводства обусловило отсутствие разъяснений Верховного Суда РФ по проблемам их применения. Данное обстоятельство обуславливает актуальность настоящего исследования

¹⁰² Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰³ Дронова Ю.А. О значимости некоторых новелл в кодексе административного судопроизводства Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2019. № 1 (57). С. 93-102.

и одновременно позволяет акцентировать внимание высших судебных инстанций и законодателя на ряде проблем, возникающих уже сегодня.

Рассмотрение данной категории дел судом нельзя назвать новеллой для российского процессуального законодательства¹⁰⁴. Несмотря на споры относительно природы правоотношений, многие годы они рассматривались в порядке гражданского судопроизводства. Исследуемая категория дел, ставшая в последнее десятилетие особенно актуальной в связи с технологическим развитием, вызвала множество вопросов. Причиной в основном являлась неопределенность в процессуальном статусе данной категории, поскольку в гражданском процессуальном законодательстве не был установлен вид производства, в котором происходит рассмотрение дел о признании информации и информационных материалов экстремистскими, распространение которых в Российской Федерации запрещено.

Перенос указанной категории дел из гражданского процесса в административное судопроизводство явился логическим завершением споров. И обойти вниманием данный период значило бы не объяснить мотивацию произошедшего.

Отчасти различия во мнениях были вызваны тем, что природа правоотношений в указанных конфликтах не столь ярко выражена, чтобы подчинить критериям того или иного производства. Как правило, в обзорах судебной практики разъяснялось рассмотрение данной категории дел в порядке особого производства, как установление фактов, имеющих юридическое значение, и судами рекомендации выполнялись. Вместе с тем при признании информации и информационных материалов экстремистскими, суды ссылались только на п. 1 ч. 1 ст. 262 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) без уточнений конкретного факта из указанных в ч. 1 ст. 264 ГПК РФ, установление которого могло способствовать в будущем возникновению, изменению, прекращению личных или имущественных прав граждан, ор-

¹⁰⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

ганизаций либо устранению имеющейся неопределенности, что характерно для особого производства.

Вопрос о надлежащем производстве в случаях рассмотрения судом дел о признании информации и информационных материалов экстремистскими ставился перед Верховным Судом Российской Федерации. Определением от 9 июня 2015 года № 51-КГПР15-76, отменившим судебные акты (определение судьи и апелляционное определение, которым оно оставлено без изменения), был дан судам дополнительный посыл в части рассмотрения данной категории дел в порядке особого производства, исходя из п. 10 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ, позволяющей устанавливать и другие имеющие юридическое значение факты. Суд высшей инстанции указал на ошибочность вывода судов о содержании в заявлении прокурора спора о праве, в связи с чем оснований для оставления без рассмотрения в порядке особого производства не было¹⁰⁵. Примечательно то, что возможность обсудить всесторонне существующие различные точки зрения на эту проблему не была реализована, несмотря на уже принятый в тот период КАС РФ.

В то же время определенная логика в рассмотрении данной категории дел в порядке особого производства все же прослеживается. Так, например, установление факта содержания признаков экстремизма в той или иной информации и информационных материалах в сети «Интернет» как имеющее юридическое значение для их изъятия, т.е. конфискации. Здесь было бы уместнее применение ч. 1 ст. 264 относительно «...прекращения личных или имущественных прав граждан, организаций», поскольку статьи, книги, иные публикации могли сопровождаться интеллектуальными правами. Однако таких прав никто не заявлял, а если бы они были заявлены, то однозначно относились бы к исковому производству. Вместе с тем правообладатели информационных материалов, книг и т.д. не привлекались в судебный процесс при рассмотрении заявлений прокурора и иных уполномоченных лиц. Соответственно, о состяза-

¹⁰⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2015 года № 51-КГПР15-7. Опубликовано не был // СПС «КонсультантПлюс».

тельном процессе не было речи, так как особое производство не предполагает такового¹⁰⁶.

Можно увидеть, что так называемое установление правового состояния информационных материалов на самом деле не имеет никакого отношения к установлению факта, а является лишь фиксацией в судебном акте субъективного мнения о материале как об экстремистском, в качестве юридического факта и приданием данному субъективному мнению силы судебного решения.

Поскольку признание материалов экстремистскими является одновременно запретом для их изготовления и распространения, ограничением субъективного права, рассмотрение вопроса об ограничении свободы мысли и свободы распространения информации не может осуществляться в процедуре особого производства.

Отсутствие спора о праве является обязательным условием для применения процессуальных правил особого производства. Оно является тем критерием, который позволяет отграничить возможность рассмотрения дела в процедуре особого производства от тех случаев, когда дело должно быть рассмотрено в рамках искового или производства по делам из публичных правоотношений. В качестве второго критерия, отличающего возможность применения процедуры особого производства от рассмотрения в иных видах производств, существующих в рамках гражданского судопроизводства, можно назвать односторонний характер разбирательства, не порождающий изменение прав и свобод других лиц и отсутствие материально-правовых последствий для других лиц¹⁰⁷.

Таким образом, в результате анализа процессуального и материального законодательства, регулирующего выявление, рассмотрение, блокирование экстремистских материалов в сети «Интернет», можно прийти к выводу, что комплекс действий, осуществляемых указанными органами, можно расценивать как соблюдение досудебного порядка признания информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интер-

¹⁰⁶ Аргунов А.В. В поисках надлежащей процедуры рассмотрения дел о признании информационных материалов экстремистскими // Вестник гражданского процесса. 2015. № 6. С. 23-41.

¹⁰⁷ Султанов А.Р. Юридическая природа дел о признании информационных материалов экстремистскими с точки зрения гражданского процесса // Адвокат. 2012. № 1. С. 12-25.

нет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено, а также о признании информационных материалов экстремистскими. Но чтобы считать их соответствующими требованиям ч. 4 ст. 265.2 КАС РФ, это должно быть обозначено в процессуальном законе с указанием той части комплекса профилактической деятельности, которая явится достаточной.

До включения в КАС РФ новых глав 27.1 и 27.2 данная категория дел рассматривалась в рамках гражданского судопроизводства. Гражданский процессуальный закон не содержал требований о досудебном порядке признания информации экстремистской, а профилактические действия уполномоченных органов оценивались как внесудебные. Отмеченное приводит к выводу о необходимости совершенствования процессуального и материального нормативного правового регулирования противодействия экстремизму.

Л.А. Терехова,
д.ю.н., профессор, зав. кафедрой
гражданского и арбитражного процесса
ФБГОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС 2002 ГОДА: ИТОГ РЕФОРМЫ ИЛИ ЕЕ НАЧАЛО?

Аннотация. Данная статья посвящена некоторым проблемам реформирования гражданского судопроизводства в период подготовки, принятия и дальнейшего развития ГПК РФ 2002 года. Обосновывается, что принятый в 2002 году Кодекс не был окончательным результатом реформы, уже после принятия он был подвергнут серьезным структурным изменениям. Кроме того, периодически встает вопрос о необходимости унификации цивилистического процессуального законодательства путем принятия единого Кодекса.

Ключевые слова: реформа гражданского процессуального законодательства, система пересмотра судебных актов, реформирование исполнительного производства, наднациональный суд, подведомственность, подсудность.

Интенсивная законодательная деятельность конца 1990-х – начала 2000-х годов создавала впечатление о системной работе по реформированию законодательства. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» 21 июля 1997 № 119-ФЗ был принят 21 июля 1997 года¹⁰⁸. В 2002 году один за другим были приняты Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс, Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре № 63-ФЗ от 31 мая 2002 г. Принятие нового кодекса, назначение которого – заменить акт иной эпохи (ГПК РСФСР 1964 г.), должно было стать результатом тщательной

¹⁰⁸ Все упоминаемые в настоящей статье Законы и Постановления получены в СПС «КонсультантПлюс».

подготовки, оценки новых тенденций, избавления от устаревших конструкций. В такой момент логично было использовать и достижения юридической науки. Однако уже в момент принятия ГПК в 2002 году было очевидно, что этим принятием процесс реформирования не завершается и, скорее всего, реформы необходимо будет продолжить. Этому есть несколько причин, остановимся лишь на некоторых из них:

1) не учтен сам факт присоединения в 1998 году к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и участия в деятельности Европейского Суда по правам человека;

2) не определено место административной юстиции;

3) не оценена система пересмотра судебных актов как крайне устаревшая и неудобная.

1. В отношении Европейского Суда по правам человека отметим следующее. Российским законодателем в 2002 году не был осознан сам факт присоединения в 1998 году к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и участия в деятельности Европейского Суда по правам человека. Вряд ли должным образом предварительно была изучена практика этого суда, а суды Российской Федерации оказались не готовы применять Конвенцию и правильно взаимодействовать с наднациональным судебным органом. В ГПК 2002 года участие России в Конвенции никак не отражено, в частности, не был предусмотрен внутригосударственный механизм по пересмотру решений российских судов после выигрыша российским гражданином его дела в ЕСПЧ.

Российское законодательство оказалось неготовым и к тем международно-признанным способам регулирования исполнения судебных решений и пересмотра судебных актов, в соответствии с которыми сложилась практика Европейского Суда. Федеральный Закон «Об исполнительном производстве» от 21 июля 1997 № 119-ФЗ года, как выяснилось «опытным путем», оказался несовременным и не уберег страну от неприятностей с ЕСПЧ. Идея самостоятельности исполнительного производства, выдвинутая в науке в тот период, неожиданно столкнулась с оценкой стадии исполнения решения как части еди-

ного целого с судебным разбирательством. Примечательно и то, что самое первое Постановление ЕСПЧ против России от 07 мая 2002 г. (по делу «Бурдов против Российской Федерации») как раз установило нарушения в сфере исполнения судебных актов в России. В этом Постановлении Европейским Судом было разъяснено, что п. 1 ст. 6 Конвенции гарантирует каждому право обращения в суд, но «право на суд» было бы иллюзией, если бы правовая система государства допускала, чтобы окончательное и обязательное судебное решение оставалось бы недействующим в ущерб одной из сторон. Выполнение решений должно быть защищено. Государственным властям не разрешается ссылаться на отсутствие средств в качестве оправдания за невыплату долга по судебному решению.

Закон об исполнительном производстве 1997 года впоследствии заменен на закон 2007 г. Однако нельзя сказать, что российский законодатель, а также практика оперативно устранили недостатки исполнения судебных решений, о чем свидетельствовало второе обращение гр-на Бурдова в ЕСПЧ и принятие 15.01.2009 г. второго (пилотного) постановления против РФ. Как показатель неустойчивости регулирования исполнительного производства следует указать и на то, что в 2000-е годы разрабатывался, но так и не был реализован проект Исполнительного кодекса.

О том, что сложившиеся у Европейского Суда прецеденты разрешения отдельных правовых вопросов не были должным образом изучены, свидетельствует, в частности, казус с делом «Маркин против Российской Федерации» (Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 22.03.2012), в котором отразилась разница в подходах к понятию дискриминации у российских судов и ЕСПЧ.

2. В отношении административного судопроизводства необходимо отметить следующее. К моменту принятия ГПК 2002 года с теоретической точки зрения многое в отношении места и роли такого производства уже было проработано.

Например, в середине 1990-х уже была сформулирована и обоснована концепция «административного иска», а виды производств предлагалось опреде-

лять по наличию (отсутствию) спора о праве. Наличие такого спора признавалось за делами, возникающими из публичных, административных правоотношений¹⁰⁹.

Но ГПК 2002 на момент принятия все же предпочел оставить традиционную конструкцию – три вида производств (исковое, особое, из публичных правоотношений), что предопределило многолетнюю дискуссию о реализации положений части 2 статьи 118 Конституции РФ 1993 г., назвавшей «административное судопроизводство» в перечне иных видов судопроизводства в РФ. В частности, уже после принятия ГПК 2002 года в литературе активно обсуждалась необходимость создания специализированных судов, без которых невозможна реализация конституционных положений об административном судопроизводстве. Впоследствии, в 2015 году, все же принят Кодекс административного судопроизводства и из ГПК было удалено производство из публичных (административных) правоотношений. В этой части ГПК оказался «нестабильным». Вопрос о том, были это недостатки в работе законодателя или все же непредсказуемая политическая воля, оставим открытым.

Так или иначе, игнорирование сложившихся научных направлений привело к ломке изначальной конструкции ГПК. Изменение подходов к административному судопроизводству сопровождалось также изменением подхода к институтам подведомственности и подсудности, разновидности которых наиболее ярко проявлялись как раз в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений. Заметим, что идеи об отмене понятия подведомственности и реформирования подсудности высказывались в период подготовки ГПК, но не были учтены.

3. В отношении системы пересмотра судебных актов отметим, что эта система к моменту принятия ГПК 2002 года была типично «советской» и такой же «советской», несвоевременной в нем и была на тот момент зафиксирована. Присоединение к Европейской Конвенции никак не отразилось на содержании

¹⁰⁹ Зайцев И.М. Административные иски // И.М. Зайцев. Научное наследие. В 3-х томах. Том 3: Избранные статьи. Часть 2: 1989-2000. С. 151-155.

ГПК в этой части, практика ЕСПЧ по вопросам признания средства защиты эффективным не была должным образом изучена, что повлекло принятие ряда резонансных постановлений ЕСПЧ¹¹⁰, отмечавших неэффективность надзорного производства в Российской Федерации: дискреционные полномочия должностных лиц по внесению протеста, не ограниченного сроками, множественность надзорных инстанций и т.д. То есть в ГПК 2002 года в части системы пересмотра судебных актов повторил ГПК РСФСР 1964 г.

Деятельность ЕСПЧ по рассмотрению жалоб граждан из РФ сыграла положительную роль в преобразовании системы пересмотра судебных актов. Можно условно эти преобразования «уложить» в несколько этапов: 1) работа над надзорным производством, признанным в ЕСПЧ «чрезвычайным средством»; 2) работа над системой пересмотра в целом с целью признания ее эффективной; 3) формирование новой системы судов, осуществляющих пересмотр.

Изначально саму систему судов общей юрисдикции реформировать не планировали. Но в июле 2018 года в Федеральный Конституционный Закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» от 07.02.2011 № 1-ФКЗ¹¹¹ были внесены знаковые изменения: введены главы 2.1 и 2.2.

Глава 2.1 ФКЗ посвящена кассационным судам общей юрисдикции. Создано 9 кассационных судов (ч. 2 ст. 23.1), основной компетенцией которых в сфере правосудия является рассмотрение жалоб на решения, вступившие в законную силу. К числу обжалуемых актов относятся вступившие в законную силу акты районных судов, мировых судей; акты апелляционных судов общей юрисдикции и акты судов субъектов Федерации (ч. 1 ст. 23.2).

В соответствии с главой 2.2 ФКЗ созданы 5 апелляционных судов общей юрисдикции (ч. 2 ст. 23.9). К компетенции этих судов относится пересмотр не вступивших в силу судебных актов судов субъекта Федерации, принятых ими по первой инстанции (ч. 1 ст. 23.10). Таким образом, создаваемые апелляцион-

¹¹⁰ Например, «Безымянная против Российской Федерации» от 22.12.2009; «Рябых против Российской Федерации» от 24.07.2003.

¹¹¹ Федеральный конституционный закон РФ № 1 от 07.02.2011 «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Ст. 23.1 // КонсультантПлюс.

ные суды забрали апелляционные полномочия у Судебной Коллегии Верховного Суда РФ (пересмотр не вступивших в силу судебных актов судов субъекта Федерации, принятых ими по первой инстанции). В этом можно видеть цель разгрузки Верховного Суда и освобождение его от части апелляционных полномочий.

В силу застаревшей проблемы родовой (предметной) подсудности, вновь созданные апелляционные суды общей юрисдикции в гражданском судопроизводстве задействованы мало. Это связано с тем, что предметная подсудность находится в зависимости от уровня органа – стороны в споре в его иерархической системе, следовательно, она представлена в основном делами, возникающими из публичных правоотношений. Эти дела в настоящее время переданы в Кодекс административного судопроизводства (ст. 20, 21 КАС). По нормам ГПК рассматривается сейчас только две категории дел: связанные с государственной тайной (п. 1 ч. 1 ст. 26 ГПК) и дела о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей (глава 45, ст. 410 ГПК). С учетом незначительного количества таких дел следует констатировать, что апелляционные суды общей юрисдикции мало что дают именно гражданскому судопроизводству и мало влияют на общую картину инстанционной подсудности. В то же время нельзя не отметить весьма произвольный выбор места нахождения этих судов, создающий транспортные проблемы, фактически законодатель презюмирует электронную коммуникацию с судом¹¹².

Очевидно, что образцом для реформирования выступила система арбитражных судов, в которой впервые апелляционные и кассационные полномочия передавались специально созданным судам. В действующем ГПК установлены две кассационные инстанции разного уровня и предусмотрена возможность последовательного обращения к каждой из них. К «первой» кассации, нижнего уровня, относится Президиум суда субъекта федерации. «Вторая» кассация для судов общей юрисдикции – Судебная Коллегия Верховного Суда РФ. Второй

¹¹² Терехова Л.А. Эффективность процедур ординарного обжалования в гражданском судопроизводстве // Эффективные механизмы цивилистического процесса. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 74-75.

она становится именно потому, что объектом обжалования в Судебную Коллегию становится акт предшествующей, «первой» кассационной инстанции – президиума суда субъекта федерации. При таком подходе к формированию кассационных судов вряд ли возможны единые правила кассационного производства. Особенности кассационного производства могут быть связаны с видами производств, в которых был принят обжалуемый судебный акт и применяется при обращении в «первую» кассацию.

Выводы. После принятия ГПК в 2002 году в него внесено большое количество изменений, в том числе структурных. В настоящее время вновь появляются тенденции к унификации, достаточно отметить, что Высший Арбитражный суд РФ в 2014 году был упразднен, высшим судебным органом гражданской юрисдикции является Верховный Суд РФ. Отметим и то, что многие изменения вносятся в АПК, ГПК и КАС одновременно. Можно ли считать тенденцию на унификацию устойчивой? В этом нет уверенности, поскольку имеется неудачный опыт разработки Единого ГПК и отказа впоследствии от его принятия. К тому же за прошедшие с момента принятия ГПК 20 лет было отмечено множество спонтанных и необъяснимых законодательных решений.

Е.И. Тимофеев,
преподаватель кафедры трудового,
экологического права и гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

УПРОЩЕННЫЕ РЕЖИМЫ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам исследования применения режимных средств в упрощенных цивилистических процедурах, в статье раскрываются признаки режимного регулирования в институтах приказного, упрощенного и заочного производства, предлагаются законодательные изменения, позволяющие повысить эффективность указанных видов судопроизводства путем использования стимулов и ограничений.

Ключевые слова: режим гражданского процессуального права, гражданская процессуальная форма, правовое воздействие, упрощенные формы судопроизводства, режим благоприятствования.

Государство в процессе реализации стоящих перед ним задач в области отправления правосудия сталкивается с определенными правовыми проблемами, требующими трансформации имеющихся подходов правоприменителя к процессуальной деятельности. Пути решения таких проблем лежат в изменении порядка действий субъектов. Последнее может происходить путем законодательной трансформации тех или иных институтов, а также путем изменения подходов в правоприменении.

В этой связи законодатель может использовать различные элементы побуждения и ограничения определенных действий субъектов правоотношений. С точки зрения информационного подхода это приводит к использованию особых средств, которые могут стимулировать стороны к применению предписан-

ного и желаемого варианта юридически значимого поведения или ограждать от неприемлемого поведения. Комплексное применение таких средств создает правовые (в том числе процессуальные) режимы. Цивилистический процессуальный режим – это особый порядок правового воздействия на определенную группу административных, арбитражных и гражданских процессуальных правоотношений, направленный на побуждение к определенному варианту поведения или предостережение участников таких отношений от определенного варианта поведения, имеющих юридическую значимость, создаваемый особым набором средств правового регулирования.

Ряд цивилистических процессуальных процедур имеют указанную направленность правового воздействия на участников, что позволяет их относить к процессуальным режимам. Примерами таких процедур являются отдельные виды упрощенных судопроизводств. Имеющиеся институты упрощенных производств в современном цивилистическом процессе восприняли концепцию ограничительных режимов. Так, режим приказного производства с момента его утверждения в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1923 года¹¹³ представляет собой императивное изъятие из общеисковой формы с исключением из правового статуса стороны цивилистического процесса ряда стандартных правомочий. Применение ограничительного порядка в приказном производстве является традиционным и видится оправданным в связи с бесспорностью таких дел.

Напротив, введенный в АПК РФ режим упрощенного производства, изначально предполагавший в части выбора указанной процедуры волеизъявление сторон, показал свою неэффективность¹¹⁴. В связи с этим по большинству указанных дел с 2012 года арбитражный процесс¹¹⁵, как и следом гражданский¹¹⁶,

¹¹³ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 10 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478 (утратил силу).

¹¹⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

¹¹⁵ О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства: Федеральный закон от 25.06.2012 № 86-ФЗ (ред. от 02.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 26. Ст. 3439.

предусматривают императивно установленный упрощенный порядок рассмотрения. В данной части сложился ограничительный режим. В то же время видится целесообразным введение дополнительных мер стимулирования участников процесса в связи с выбором ими упрощенных процедур. Таковыми могут служить, в частности, льготы, связанные с уплатой государственной пошлины по указанным делам или возможность ее возврата в качестве меры поощрения.

Единственным видом упрощенных процедур, полностью базирующимся на диспозитивных началах в связи с необходимостью учета волеизъявления истца для его применения судом, является заочное производство. Однако при наличии нежелания истца переходить в порядок заочного рассмотрения дела по причинам, не связанным с изменением иска, с чем на практике сталкиваются суды¹¹⁷, наблюдается затягивание судебного разбирательства. Отсутствие действующих стимулов, направленных на совершение такого выбора, указывает на отсутствие сформированного режима заочного производства. В качестве решения данной проблемы так же могут служить льготы и поощрения, указанные в настоящей статье в отношении стимулирования выбора упрощенного судопроизводства.

В заключении необходимо указать, что на сегодняшний день можно говорить о наличии императивных ограничительных подходов в конструировании юридически значимых вариантов поведения участников цивилистических процессуальных правоотношений, в частности, в контексте упрощенных процедур. В то же время в литературе неоднократно указывалось на необходимость расширения самостоятельности заинтересованных лиц, что требует расширения диспозитивных начал и с чем нельзя не согласиться ввиду эффективности таких средств в сочетании с правовыми стимулами.

Применение режимных средств должно быть сбалансированным и отвечать современным реалиям общественной жизни в целях реализации постав-

¹¹⁶ О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 10. Ст. 1319.

¹¹⁷ Магомедова З.И., Бутюгов Г.П. Заочное производство: ускоряет или затягивает процесс? // Мировой судья. 2021. № 3. С. 14-17.

ленных перед соответствующим режимом задач. Несмотря на большую эффективность и применимость ограничительных режимов в цивилистическом процессе ввиду их однозначности и императивности, необходимо осуществлять внедрение альтернативных диспозитивных процедур и находить реальные средства побуждения заинтересованных лиц к социально полезному варианту поведения.

Д.К. Усцов,

младший научный сотрудник кафедры

гражданского права и процесса ЮИ

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

ПРОБЛЕМА ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ДОКУМЕНТУ ОБ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Автор поднимает проблему действия во времени исполнительного производства по вопросу применения обеспечительных мер. Отмечается, что окончание исполнительного производства на период рассмотрения дела в суде, а также в связи с частичным исполнением исполнительного документа недопустимо. Делается вывод, что обеспечительные меры носят длящийся характер, и их применение не должно ограничиваться общим сроком. Поддержана идея о предварительном судебном контроле за деятельностью судебных приставов при окончании исполнительных производств.

Ключевые слова: исполнительное производство, гражданский процесс, обеспечительные меры, арест.

Обеспечение иска в гражданском судопроизводстве является действенным и востребованным механизмом защиты прав лиц, участвующих в деле. Перечень мер по обеспечению иска, предусмотренный ст. 140 ГПК РФ, не является закрытым и предоставляет просить суд всевозможным образом обеспечить исполнение предполагаемого решения на период рассмотрения дела до момента его исполнения.

Весьма популярной мерой остается наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или третьих лиц. Такая мера при-

звана сохранить имущественное положение до принятия судом итогового решения.

Обеспечительные меры имущественного характера исполняются Федеральной службой судебных приставов на основании определения суда и выдаваемого им исполнительного документа. Регулирование деятельности осуществляется Федеральным законом от 2 октября 2007 года от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве).

М.И. Одинцова¹¹⁸ справедливо выделяет основные задачи ареста имущества должника: как обеспечительную (сохранения имущества для взыскания) и как исполнительную (для приведения в исполнение соответствующих судебных актов). С целью реализаций данных задач необходимо понимать, что обеспечительные меры должны соответствовать ряду признаков. Д.В. Иванов¹¹⁹ выделяет характерные признаки обеспечительных мер: срочность (безотлагательность), временность (ограничение срока действия обеспечительных мер), соразмерность.

Однако, к сожалению, нормы Закона об исполнительном производстве не в полной мере коррелируют с требованиями действующего ГПК РФ (если придерживаться позиции, что исполнительное производство есть стадия гражданского процесса), и могут фактически их не реализовывать. Исполнительное производство по исполнению судебных решений равным образом работает и в отношении обеспечительных мер. Ключевыми проблемами, по мнению автора, являются:

- двухмесячный срок совершения исполнительных действий, предусмотренный в статье 36 Закона об исполнительном производстве;
- окончание исполнительного производства в связи с тем, что у должника отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыска-

¹¹⁸ Одинцова М.И. Наложение ареста на имущество должника как обеспечительная мера в исполнительном производстве // Вестник исполнительного производства. 2017. № 1. С. 86-89.

¹¹⁹ Иванов Д.В. Проблемы исполнения требований исполнительных документов, связанных с обеспечительной мерой // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 2. С. 72.

ние, и все принятые судебным приставом-исполнителем допустимые законом меры по отысканию его имущества оказались безрезультатными;

– невозможность предъявления исполнительного документа не ранее шести месяцев по п. 5 ч. 1 ст. 46 Закона об исполнительном производстве.

Рассмотрим на конкретном примере. Судебный пристав-исполнитель, осуществив исполнительные действия по применению обеспечительных мер за период с момента возбуждения с 26.11.2021 по 09.02.2022, окончил исполнительное производство и возвратил исполнительный документ на основании п. 4 ч. 1 ст. 46 Закона об исполнительном производстве. Иск о взыскании денежных средств принят к производству суда 22.11.2021 и рассматривается в районном суде на момент окончания исполнительного производства. Сумма иска превышает размер имеющегося имущества должников. За период рассмотрения гражданского дела судебным приставом было арестовано имущество в пределах суммы иска.

За период рассмотрения дела и после окончания исполнительного производства стало известно о наличии иного имущества должников – открытые банковские счета; был также выявлен круг арендаторов, ежемесячно уплачивающих денежные средства по договорам аренды.

Типичную ситуацию можно схематично изобразить следующим образом:

Так, примененные обеспечительные меры, имевших место быть в определенный момент времени, фактически не ограничили возможность должникам

осуществлять предпринимательскую деятельность после окончания исполнительного производства, а также получать денежные средства, приобретать иное имущество и распоряжаться им по своему усмотрению.

Можно порассуждать о наличии иных правовых механизмах защиты права в рассматриваемом случае: оспаривание действий (бездействий) судебного пристава-исполнителя, вынесенного постановления об окончании исполнительного производства, предъявление иска о взыскании убытков, вызванных неправомерными действиями (бездействиями) пристава за период и др. Однако в таком случае потенциальному истцу придется возложить на себя обязанность по доказыванию: самостоятельно определять стоимость убытка, предпринимать меры по нахождению иного имущества должника, будучи на то неуполномоченным, понести расходы на оценку ущерба и т.д. Автор считает, что в такой ситуации механизм обеспечения иска при непосредственном участии суда и уполномоченных органов утрачивает свою актуальность. Деятельность лиц, участвующих в деле, в конечном итоге подменяет деятельность судебного пристава-исполнителя.

Следует также констатировать о сложности повторного предъявления исполнительного документа, поскольку предъявление предусмотрено не ранее чем через шесть месяцев. С момента окончания до повторного предъявления исполнительного листа образуется временной промежуток, в течение которого могут совершаться действия, например, по приобретению и выводу имущества, не обнаруженного ранее. В конечном итоге получается, с одной стороны, судебный пристав будет не наделен правом после окончания производства осуществлять исполнительные действия, а с другой – взыскатель, который не может иметь возможности оперативно самостоятельно осуществить поиск имущества. Такое законодательное упущение влечет за собой возможность активного злоупотребления со стороны должников.

Важно учесть, что двухмесячный срок для исполнительного производства не является пресекательным, а скорее – служебным.

Целесообразно считать, что двухмесячный месячный срок исполнительного производства по применению обеспечительных мер не может рассматриваться как строгое руководство к действию. Обеспечительные меры должны реализовываться на всех стадиях судебного разбирательства вплоть до исполнения решения, как строго предусмотрено ч. 3, 4 ст. 144 ГПК РФ, иными словами, непрерывно.

Относительно этого, но по вопросу о передаче дела из одного суда в другой, Верховным Судом РФ также разъяснено: «Если до передачи дела обеспечительные меры, меры предварительной защиты не отменены судом, принявшим соответствующее определение, либо судом вышестоящей инстанции не отменено определение об обеспечении иска, о применении мер предварительной защиты, то в случае удовлетворения иска данные меры сохраняют свое действие до фактического исполнения судебного акта, которым закончено рассмотрение дела по существу; в случае отказа в удовлетворении иска, оставления иска без рассмотрения, прекращения производства по делу указанные меры сохраняют свое действие до вступления в законную силу соответствующего судебного акта (ч. 3 ст. 144 ГПК РФ, чч. 4, 5 ст. 96 АПК РФ, ч. 3 ст. 89 КАС РФ)»¹²⁰.

Автором отмечается, что наложенные аресты на имущество должны сохранять свое действие: как настоящие, так и последующие на вновь обнаруженное имущество. Предлагается, чтобы исполнительные действия не оканчивали своего действия и осуществлялись непрерывно, а также в случае, если имущества должника недостаточно на настоящий момент.

Логично предположить, несовершенство норм статей 46-47 Закона об исполнительном производстве судебному приставу-исполнителю позволяют оставить без полного или частичного исполнения, формально окончить без принятия соответствующих надлежащих мер по дальнейшему розыску имущества должника.

¹²⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

На фоне несовершенного межотраслевого взаимодействия описанная подобно рода процедурная проблема опосредует процессуальную, а именно – невозможность обеспечения иска до момента вступления в законную силу решения суда, что предусмотрено ч. 3, 4 ст. 144 ГПК РФ. Описанный межотраслевой пробел существенно осложняет реализацию механизма защиты имущественного права взыскателя.

Лицо, участвующее в деле, попросту лишается права на полноценное обеспечение иска до момента исполнения судебного акта. Во время рассмотрения дела по существу нельзя исключать факт обнаружения иного имущества: наличия дебиторской задолженности, возникшего права на имущество, имущества должника, находящегося у третьего лица, и т.д.

Предлагается в Законе об исполнительном производстве исключить привязку к двухмесячному сроку совершения исполнительных действий пристава, а также возможность окончить исполнительное производство в случае, если стоимость имущества не превышает цену иска, т.е. при частичном обеспечении. Применение обеспечительных мер видится как длящийся процесс, не привязанный к конкретным временным рамкам, который ограничивается лишь только их отменой или изменением судом, а не формальной невозможностью фактически исполнить.

В связи с вышеизложенным, нельзя не согласиться с позицией ученых У.М. Мурзабулатова и Е.Л. Слепнёва¹²¹, указывающих на популярную проблему возвращения исполнительного документа взыскателю после возбуждения исполнительного производства. Согласно их мнению, предлагается возможность окончания исполнительного производства с письменного согласия взыскателя и возвращения исполнительного листа. В случае если взыскатель не согласен на возврат исполнительного документа, это возможно только с разрешения суда. Тем самым повторно подчеркивается и актуализируется идея предварительного судебного контроля за действиями службы судебных приставов на данной стадии.

¹²¹ Мурзабулатов У.М., Слепнёв Е.Л. Проблемные аспекты возвращения исполнительного документа взыскателю после возбуждения исполнительного производства // Правовое государство: теория и практика. 2016. №4 (46). С. 141.

И.Г. Федин,

магистр частного права,

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ И МАТЕРИАЛЬНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с развитием принципа добросовестности в отечественном частном материальном праве и в процессуальных отраслях. Автором дается характеристика современного состояния данного принципа в соответствующих отраслях, производится раскрытие понятия «добросовестность», а также предлагаются законодательные инициативы для дальнейшего развития рассматриваемого регулятора в судебном процессе и укрепления тем самым правовой культуры.

Ключевые слова: добро, совесть, дефиниция добросовестности, моральные категории, принципы права, правовая культура.

Тенденцией современного развития российского права является то, что принципы права получают свою глубокую проработку в публичных отраслях права. Примером могут служить ряд процессуальных кодексов, в том числе АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, УПК РФ, в которых таким принципам, как справедливость, разумность, равноправие, законность, неприкосновенность и т.д., посвящены целые статьи, в достаточной мере освещающие данные правовые регуляторы с разных сторон. В то же время в других нормативных актах принципы зачастую лишены нормативного наполнения и, как правило, в лучшем случае просто поименованы, в худшем – подразумеваются исходя из системного толкования положений законодательства или частого упоминания соответствующего понятия, а также его синонимов и антонимов. Данный вид принци-

пов часто встречается как в гражданском материальном праве, так и в процессуальном законодательстве.

К одному из таких принципов, не получивших своего раскрытия в Арбитражном и Гражданском кодексах, относится принцип добросовестности, который получает на сегодняшний день во всем законодательстве Российской Федерации бурное развитие и широкое применение.

Так, в частности, в данные кодексы включены ст. 41 АПК РФ и ст. 35 ГПК РФ, обязывающие лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Данное положение явно указывает на фундаментальное значение идеи добросовестности для всего процесса и несомненно пронизывает все остальные процессуальные институты. Кроме этого, в указанных нормативных актах понятие добросовестности, обуславливая необходимость действия участников соответствующим образом, фигурирует в нормах, посвященных объяснениям участников процесса (ст. 68 ГПК РФ), допросу специалиста (ст. 87.1 АПК РФ), судебному примирению (ст. 138 АПК РФ, ст. 153.6 ГПК РФ).

Злоупотребление правом традиционно рассматривается как обратная сторона добросовестности. Так, например, В.П. Грибанов рассматривал процессуальную обязанность добросовестного право пользования, как «общий принцип недопустимости злоупотребления правами процессуально-правового порядка»¹²².

Следовательно, если учитывать, что злоупотребление правом, это крайняя форма недобросовестного поведения, то наличие общепроцессуального принципа добросовестности ярко прослеживается также и в институте злоупотребления процессуальными правами, обуславливающим негативные для соответствующих субъектов последствия (ст. 41 АПК РФ, 111 АПК РФ).

Констатировать важное значение и тенденцию развития принципа в рассматриваемых кодексах позволяют и введенные в 2019 году новеллы, связанные с наложением штрафа на злоупотребляющих процессуальными правами

¹²² Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2. М., 2001. С. 322.

лиц, ведущими дело в интересах группы лиц (ст. 225.10-1 АПК РФ, ст. 244.22 ГПК РФ).

Одним из важнейших положений переплетающимся с таким фундаментальным аспектом судебного процесса, как стороны по делу, которые обязаны нести расходы, связанные с производством в суде, являются нормы ст. 111 АПК РФ, закрепляющие отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами. Учет некоторых формулировок данной статьи позволяет путем обратного толкования сформулировать ряд положений, касающихся принципа добросовестности.

Перечисленные действующие нормы и постепенно вводимые новшества, связанные с принципом добросовестности, показывают востребованность рассматриваемой идеи в процессуальном праве и поступательное развитие данного регулятора законодателем.

Тем не менее, несмотря на фактическую легализацию принципа добросовестности в Арбитражном и Гражданском кодексах, последний продолжает оставаться не раскрытым как в данных правовых актах, так и в действующем законодательстве в целом. Невзирая на наличие множества примеров сегментарного формулирования в законодательстве и практике Конституционного и Верховного судов отдельных составляющих добросовестности, не разработанным данный принцип остается и в теории права, даже при наличии широкого спектра посвященных ему работ. В них добросовестность в основном сводится к своему лексическому значению. Например, С.И. Луценко указывает: «Добросовестность и разумность означают такое поведение лица, которое характерно для обычного "заботливого хозяина" или "добросовестного коммерсанта"»¹²³.

Помимо этого в ГК РФ применение категории «добросовестность» встречается при определении правового статуса участников гражданских правоотношений (ст. 29, 36, 37, 51, 53, 53.1, 60.2, 62 ГК РФ), регулировании отношений, связанных с установлением права собственности, в том числе касаемых

¹²³ Луценко С.И. Теневая часть корпоративного права: вопросы и ответы // Современное право. 2020. № 1. С. 67.

института переработки (ст. 220 ГК РФ) отношений, связанных с владением имуществом и его защитой (ст. 145, 147.1, 149.3, 223, 234, 302, 303 ГК РФ), в залоговом праве (ст. 335 ГК РФ), в регламентации интеллектуальных прав (ст. 1361, 1466 ГК РФ), а также иных правовых конструкциях. Частота употребления законодателем категории «добросовестность», исходя из представленного анализа, показывает широкомасштабный охват этой категорией частноправового сектора системы российского права.

Наиболее разработанным понятие «добросовестность» является в регулировании ГК РФ отношений, связанных с защитой владения и вещных прав. Так, общие критерии добросовестности как понятия выделяет относящаяся к одному из институтов, связанных с защитой владения, ст. 302 ГК РФ, которая устанавливает, что если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли. С нашей точки зрения, формулировка данной статьи «не знал и не мог знать» указывает, с одной стороны, на добросовестное заблуждение относительно действительных обстоятельств сложившейся ситуации, с другой – обязывает субъекта-правоприменителя сделать все необходимое, исходя из объективных обстоятельств, для устранения возможных негативных последствий, совершаемых действий. Такой подход, в сущности, содержит юридическую формулировку, интерпретирующую понятие добросовестности в своем обыденном понимании. Переводя данные строгие нормативные формулировки в плоскость такого понимания, можно сказать, что добросовестный правоприменитель, принимая к сведению все обстоятельства, вытекающие из контекста ситуации, существенные аспекты которой при совестливом поведении не могут быть обделены вниманием, обязан опираться в соответствующих взаимоотношениях на положительно характеризующие обществом объективные критерии, учет которых

позволяет сохранить стабильность правовой сферы всех участников правоотношения.

Идентичный подход при разговоре о давностном владении для приобретения права собственности по давности владения сформулирован в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010, в котором добросовестный давностный владелец также охарактеризован формулировкой «не знал и не мог знать». Учитывая это, считаем, что выявленное нами понимание исследуемой категории законодателем и судебными органами Российской Федерации применимо ко всем случаям использования законодателем категории «добросовестность» путем включения ее в тексты нормативных актов.

В научной литературе находит обсуждение точка зрения, которая указывает на то, что встречающаяся в законодательстве формулировка «не знал и не должен был знать» включает в себя объективный и субъективный критерии понятия добросовестности¹²⁴. При этом формулировка «не знал» – показывает субъективную сторону, то есть лицо действительно находилось в неведении, а «не должен был знать» – включает в себя объективную сторону, которая подразумевает наличие определенного стандарта поведения, диктующего, какие конкретно меры следует принять участнику соответствующего правоотношения¹²⁵. Такие подходы с нашей точки зрения не убеждают в важности дальнейшего существования ситуации, при которой будет отсутствовать надлежащая проработка законодательной дефиниции рассматриваемого понятия.

Существующее положение вещей позволяет сделать вывод о недостаточной науковедческой активности в теоретической и законодательной плоскости относительно рассматриваемого вопроса, на что обращается внимание в отечественной исследовательской практике. Так, по мнению В.О. Аболонина: «Все еще необоснованно мало внимания уделяется принципу добросовестности в гражданском и процессуальном праве. Показательно, что его существование

¹²⁴ Аверьянова М.В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

¹²⁵ Там же.

далеко не всегда признается отечественной доктринальной литературой и остается невостребованным судебной практикой¹²⁶.

Вместе с тем принцип добросовестности является важнейшим традиционным юридическим регулятором в отечественной правовой культуре. Добросовестность происходит от слов «добро» и «совесть». Согласно словарю В.И. Даля, концепт «совесть» характеризуется как «чувство, побуждающее к добру»¹²⁷.

Исходя из этого, понятие «совесть» и «добросовестность», по существу, имеют одно значение, но в законодательной практике устоялась вторая смысловая единица, хотя иногда используется и первая.

Помимо этого, в сегодняшних условиях тотального злоупотребления участниками судебного процесса своими правами практическая деятельность продолжает испытывать существенную потребность в более четко сформулированных и относящихся к добросовестности положениях. Учитывая это, считаем необходимым предложить соответствующие нововведения в Гражданский и Процессуальные кодексы на уровне статьи, подробно описывающей идею добросовестности, по аналогии с обособленными статьями данных нормативных актов, посвященных различным принципам.

¹²⁶ Аболонин В.О. Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 3.

¹²⁷ Совесть // Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dal.slovaronline.com/38577-SOVEST> (дата обращения: 27.10.2022).

Научное издание

БУДУЩЕЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

под ред. И.В. Рехтиной

Редактирование, подготовка оригинал-макета *С.И. Тесленко*

Дизайн обложки *Ю.В. Луценко*

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 25.01.2023. Формат 60х84 / 16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 5,35. Тираж 300 экз. Заказ № 40

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66